А. Черняев
Проект.
Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1977 год.

1977 год.

1 января 77 г.

Разговор у мня в кабинете с Брутенцом…. О нашем отчаянии… О тупике, в котором мы оказались. Как можно! - На фоне продолжавшегося около месяца фестиваля награждений 70-летнего Генерального, не было, думаю, человека – от простого работяги до рафинированного интеллигента и даже аппаратчика, - который бы, глядя это каждый день по телевизору, не удивлялся, не возмущался, не издевался бы над собой и властями, не смеялся бы.

Немыслимый треп всех mass media об успехах, победах, росте уровня и превосходствах,… треп политически глупый настолько, что, если б не ясно было его бюрократически шкурного происхождения, он мог бы показаться просто провокационным.

Я говорил о нравах: Примаков уходит из ИМЭМО в замы директора ТАСС, потому что Иноземцева-директора не избрали членом ЦК на съезде и он «бесперспективен»… Хотя 10 лет Женя был у него замом и 20 лет «лучшим другом».

Об Ульяновском – нашем 75-летнем заме, который для того, чтоб пройти в член-корры писал доносы на своих конкурентов в президиум Академии наук, звонил вице-президенту Федосееву и с фельдом ЦК посылал ему пакеты с этими доносами.

И еще. Освобождение Корвалана. Обмен его на Буковского и пошлейшие выпады по этому поводу Ж. Марше и «Юманите», некоторых итальянских друзей… Мой двухчасовой разговор на Плотниковом с Макленнаном на эту тему (он возвращался через Москву со съезда КП во Вьетнаме). Кстати, итальянцы хитрее реагировали. Они четко отделили проблему Корвалана от проблемы Буковского.

Сочинили с Ю. Арбатовым интервью Брежнева с Кингсберн Смитом (в виде новогоднего послания американцам). 29-го оно было опубликовано и, конечно, вызвало определенную реакцию.

Б.Н. поручил мне редактировать рукопись биографии Брежнева, которая готовится по заказу американских издателей для США. До 1960 года – живо и убедительно, после – тягомотина жуткая. Впрочем, сделан текст без культового захлеба.

Карякин подарил мне книжку «Самообман Раскольникова», которую он писал 10 лет. Мы с ним виделись недавно, он жаловался, что «ничего не дают сказать» (цензура). Я спросил: «А ты мне скажи, что ты хочешь сказать людям-то»… И подумал: говорить-то этим трепачам, оказывается, нечего, - если, конечно, всерьез!

Загладин написал отличное эссе для № 1 «Нового времени» по тематике «еврокоммунизма»… Вот, если бы мы так давно и впредь разговаривали бы с комдвижением, мы не имели бы нынешнего бардака в нем и авторитет сохранили бы! Однако, парадокс в том, что первый зам. зав Международного отдела ЦК это и понимает, и пишет об этом на весь мир. А его зав. не только себе этого не позволяет, но и Загладину не позволил бы, если бы знал, что тот собирается так писать… Да, и не прочтет, разве что из ТАСС'а узнает об откликах на эту статью.

История со статьей Антонио Рубби (ИКП) «Новый интернационализм» в журнале ПМС, где речь идет о перспективе возникновения социалистических обществ, которые будут отличаться друг от друга не только по политической структуре, но «как социально-экономические формации». Загладин разрешил. Б.Н. – после протеста Гарри Отта (ЦК СЕПГ) мечется: с одной стороны, если итальянцам и французам не давать слова в ПМС, они оттуда просто уйдут, как уже и обещали. С другой стороны, за свои деньги, в советском по сути журнале, в том числе на русском языке печатать такое!.. Это же попрание всех основ! ЦК забросают письмами пропагандисты, пенсионеры и профессора!

Вот символ нынешней реальности МКД. Журнал «Проблемы мира и социализма» изжил себя, его надо закрывать, как это в свое время сделали с газетой «За прочный мир и за народную демократию».

5 января 77 г.

На днях был разговор с Б.Н. По какому-то случаю он вдруг спохватился, что Суслов болен. И произнес примерно следующее: «Болен вот опять… Не только с глазами. Что-то, видимо, с сердцем. Потому, что рука не действует. Вообще он после поездки во Вьетнам резко сдал. Говорили ему – отлежись, не ходи хотя бы на заседания. Но он явился на последний перед Новым годом Секретариат, говорит, неудобно, важные вопросы, итоги надо подбить... Теперь вот опять свалился. Брежнев вне себя. Он, скажу вам доверительно, вызывал вчера Чазова (начальник 4-го Управления Минздрава) и заявил ему: «Смотри, если ты мне не убережешь Михаила Андреевича, я не знаю, что сделаю… В отставку уйду!»

И в самом деле, Анатолий Сергеевич, ведь – один! Один! (И показал пальцем вверх, подчеркивая, что другого нет). В Политбюро больше нет человека, который мог бы подпирать Брежнева. При всех его (Суслова)… (не сказал недостатках) ну, знаете, надо отдать должное. Он без всяких этих (показывает рукой знак подковырки, подсиживания)… Ни на что не претендует, не зарится на первое место. Бескорыстно, что там говорить. И он один! – вы понимаете, один, кто действительно мыслит политически, по партийному.

Это вообще большая проблема! (Слова «возраст» не произнес). Посмотрите, Мазуров давно уже вышел из строя. Да, еще какие-то лекарства ему, должно быть, дают. Он выглядит совсем ненормальным, когда появляется. А работать он не может уже полгода. Подгорный тоже совсем больной, почки или печень, точно не знаю. Косыгин давно сдал, а тут еще летом чуть не утонул, после этого два месяца отлеживался. Да и все другие… Это большой вопрос, Анатолий Сергеевич!»

Вчера в зале «Россия» был митинг, посвященный Корвалану. Его речь.. «просоветская» по форме, но «еврокоммунистическая» по существу: отказ компартии от руководящей роли КП, все партии (включая ХДП) равны, самостоятельны и имеют право на своеобразие, все политические течения (кроме фашистов) закономерны и правомочны участвовать в строительстве демократии Чили. Даже слово «плюрализм» произнесено, которое впервые в политическом смысле было воспроизведено в «Правде». Правда, «диктатура пролетариата» тоже была названа (видно, чтоб не уподобляться Марше), но лишь как орудие защиты демократии от посягательств.

Вчера у меня была беседа с Марселем Тригоном и Патриком Лемаэком (зам. зав. международным отделом и зав. сектором ЦК ФКП). Обсуждали проект партобмена ФКП-КПСС на 1977 год – год 60-летия Октября. Тригон для начала произнес речь явно запрограммированную в Париже, - будто ничего не произошло за эти два года, будто не было в последние дни Буковского, фильма «Признание», митинга в «Мютюалите» с участием Плюща, статьи Канапы в «Political Affaris» и т.д. и т.п. Полный «бхай-бхай!» – и ни малейшего повода, чтоб я мог затеять разговор: что ж, мол, вы делаете, ставя Корвалана на одну доску с Буковским… Сам же я его начать не мог: не мог же я в здании ЦК КПСС работникам аппарата ФКП крыть генсека и членов ПБ ФКП! Они просто могли бы встать и хлопнуть дверью.

Паволини, редактор «Униты», с благословения Берлингуэра, попросил у Брежнева интервью. Один вопрос – о разрядке, остальные пять – о демократии в СССР.

Я предложил Б.Н.'у ответить отказом и объяснить это позицией «Униты» в вопросе Корвалан-Буковский. Не знаю, решится ли он? Горазд бурчать в кругу замов. А сам смертельно боится сделать малейший шаг: не хочет (подобно Черчиллю) присутствовать при распаде своей империи.

9 января 77 г.

6 января я неожиданно был вызван к Пономареву. Он объявил, что «нас» вызывает Брежнев, просил быстро одеться и спуститься вниз к его машине. Поехали в Кремль. Успели вызвать Корниенко из МИДа. Блатов был уже там. Бовина не нашли (он в это время «заседал» в пивном баре).

Брежнев начал в своем обычном стиле, хорошо мне известном по Завидово. «Проснулся сегодня, зарядку сделал... Думаю, что-й-то такое мне вчера в голову пришло?.. Не сразу вспомнил. А вот что! Неплохая, в самом деле, идея: 20-го Картер вступает в должность. Почему бы не сказать что-нибудь ему такое перед этим, вроде как добрую волю проявить. И предлог хороший: Тулу-то ведь недавно наградили, дали городу «Героя». Я в Туле ни разу не был, хотя десятки раз проезжал через нее, туляки мне даже ружье чинили. Вот и поеду, поздравлю их, вспомню, как они стояли насмерть во время войны, можно сказать - спасли и Москву. И заодно скажу Картеру что нужно».

И стал ходить перед нами вдоль стола, диктовать «схему», все время оговариваясь, что, мол, примерно в таком духе... «Ну, там, конечно, не одни США должны присутствовать. Францию, например, надо помянуть» (больше никого не назвал). Вернулся к тулякам. «Надо, мол, помянуть тех, кто воевал и остался жив. Я вот ведь воевал, а живой»... и прослезился. Встал, прошелся к письменному столу, достал платок из ящика. Упираясь, тяжело сел. «Надо все это сделать выпукло. У меня настроение произнести это с волей. Я подготовлюсь... Вообще я считаю, что мне надо время от времени выступать пред народом... Без больших перерывов. Это поднимает людей, вызывает энтузиазм».

Прощаясь, попросил постараться, хотя времени мало - 18-го уже выступать.

И завертелось. В этот же день Л.И. сообщил о своем намерении на заседании Политбюро. И, поскольку Пономарев оказался вроде бы «бригадиром», к нему пошли звонки от других секретарей ЦК - каждый хотел «поучаствовать». В результате в Новом Огареве оказалось 10 человек (!), хотя работы (если всерьез) было для двоих-троих на два хороших рабочих дня. В пятницу выехали (помимо Пономарева): Блатов, Корниенко, Менделевич, Бовин, Наиль Биккенин (из отдела пропаганды ЦК), Вознесенский (политический обозреватель телевидения), Масягин (консультант из оргпартотдела ЦК) и я. Разделились на две группы – «внутренников» и «международников». И началась бодяга. В мутной дискуссии в течение многих часов не сложили даже плана. Пономарев, претендуя на общее руководство, занимался главным образом рассуждениями на основе прочитанных за последние дни шифровок и с обычными своими «любимыми (антиимпериалистическими) игрушками», к которым мы в отделе привыкли и давно научились с ними обращаться так, чтобы не очень вредить реальной политике.

Распределили кое-как темы, разошлись по своим комнатам. Но на утро в субботу явился «Андрюха» Александров из Барвихи, где он болел воспалением легких, Брежнев ему позвонил и попросил вмешаться. Не захотел даже узнать, о чем мы тут накануне договорились. Для проформы изложил нам свои идеи, не стал слушать ни нас самих, ни наших замечаний на его «идеи». Решительно отвел малейшие намеки на прочие мнения, пригласил стенографистку. Через час текст международного раздела практически был готов. Звонарско-пропагандистский, но давал канву всему выступлению. Андрей Михайлович отбыл к себе в Барвиху болеть дальше.

А мы остались с текстом, с которым во многом были не согласны, даже Блатов. Побурчав, он, однако, стал отстаивать каждое слово андрюхиной диктовки.

По настоянию Пономарева был приглашен Арбатов, который дописал про отношения с Югославией и про Ближний Восток, что Корниенко тут же вычеркнул. Мы шили по канве «Воробья», хотя потом, после «первого чтения» у Брежнева осталось от его диктовки всего несколько абзацев, да и то сильно переделанных. Блатов, руководя нами, «расстраивался» между лояльностью к Александрову, здравым смыслом и нашими «инициативами».

Георгий Маркович Корниенко, тогда зав. американским отделом МИДа, хитрый хохол, знающий дело, прожженный мидовец, недолюбливал Александрова, говорили - видел в нем соперника на место Громыки.

Менделевич был послом по особым поручениям. Помнил я его еще по истфаку до войны - он учился на два курса старше, однокашник Гефтера. Всезнающий, умный, ловкий, высокообразованный. Единственный еврей в МИДе, никогда не пытавшийся скрывать своего еврейства. Сохранился каким-то образом там на высоких должностях до конца своих дней. Видно, в самом деле, редких качеств профессионал. Знал не только, где и в каком дипломатическом документе была поставлена существенная запятая, зачем и кем она была поставлена, но и цитировал Библию наизусть, а также Гумилева, Гете, Баратынского. Козырял латынью, хотя, как и я, учил ее только до войны, в университете...

15 января 77 г.

В понедельник Брежнев позвал к себе в Кремль - на первое чтение. Громкая читка - возобновленная привилегия Бовина. На первых же страницах, где говорилось о защите Тулы в 1941 году, Генеральный расплакался. «На этом фоне» международный раздел показался ему скучным (впрочем, это справедливо). По существу ничего не добавил. Поразил только тем, что при упоминании о двух инициативах Политического консультативного комитета Варшавского пакта (неприменение первыми ядерного оружия участниками Хельсинского совещания и не расширение обеих блоков) задал вопрос: что это значит? В чем тут смысл? И кто это предложил?! А прошло всего два с небольшим месяца после заседания ПКК в Бухаресте, где сам он это предложил, и где это было записано в коммюнике, а потом наши газеты, радио и телевидение не умолкая афишировали эти инициативы как новый выдающийся вклад Брежнева в дело мира.

Сказал, что посетит Ясную Поляну и «надо бы вписать об этом в выступление: «Это будет важно для нашей интеллигенции...»

Тут я подумал, что наш Генеральный уже абстрагируется от себя как отдельного индивидуума, мыслит себя в категориях общественного достояния и символа... На втором чтении текста мне пришло в голову такое сравнение: так же, как в свое время одевали царя для появления перед народом, мы сейчас «одеваем» Брежнева текстом речи, которую он произнесет, не очень-то понимая, что там написано, ибо важно (с точки зрения государственной) прежде всего то, о чем газеты пишут многократно на все лады.

Для второго чтения мы сделали ударные места - для аплодисментов (об этом особенно заботился Борис Николаевич). Некоторые из них Брежнев перечитывал вслух, громко - так, как собирался произнести в Туле. И оглядывал нас, спрашивая: «Ударно получается? Да, я думаю, получается. Будут хлопать».

Большую часть «дискуссии» (после одобрения текста в основном) занял разговор о его намерении посетить оружейный завод. Блатов, Менделевич и Пономарев стали его отговаривать: мол, воспользуются на Западе - поехал-де инспектировать военное производство, «подгонять гонку», а слов наговорил - о мире, разрядке и т.п. Брежнев сопротивлялся: очень уж ему хотелось сходить на оружейный завод. «Как же так! Приехал в Тулу. Они мне сколько лет охотничьи ружья дарят, делают по моему заказу. А я даже не схожу к ним. Нехорошо!» Пономарев и Блатов опять за свое, с нажимом. Леонид Ильич опять не хочет с ними соглашаться: уж больно он любит ружья, пистолеты и всякое такое. (На знаменитом Тульском оружейном, между прочим, к тому времени остался только один небольшой цех, где производили охотничьи ружья, а в остальных - понятно что). В конце концов сошлись на том, что он съездит туда, а в выступлении и в газетных сообщениях будет сказано, что Брежнев посетил «механический завод»...

Пономарев усадил меня в свою большую машину, к нам подсел Бовин (мидовцы отправились по домам, а Блатов остался в ЦК). И мы втроем, вернувшись в Ново Огарево,

вроде как за вещичками, засели ужинать. Б.Н. сам предложил выпить. Бовин мгновенно реализовал. «Придавили» бутылку коньяку и бутылку водки. И пошел разговор...

Я рассказал, как Эрнста Неизвестного вынудили уехать, вспомнили с Бовиным и другие случаи - как мы собственными руками производим диссидентов. И, конечно, снова речь зашла о «еврейском вопросе»... И Б.Н. вновь заявил, как в самолете при возвращении из Англии, что «эту проблему надо решать!» Ударился, как всегда в подпитии, в воспоминания о 20-х годах, о том на этот раз, как Товстуха (помощник Сталина) пустил его однажды в личный архив вождя (письма из ссылки, письма к женщинам и проч.)...

Порассуждали о повышении цен (произведенном 4 января), о том, что даже в Москве нет многих продуктов и т.п.

Потом подъехал Блатов и принял «живейшее участие» в разговоре. В частности, рассказал, как лук производят в Рязанской области, откуда он депутатом Верховного Совета, - ползающие в грязи между грядок бабы, а затеешь разговор, бормочут: «лишь бы не было войны!»

«Хорошо посидели», как любил выражаться Арбатов. Поразительно однако то, что в этом разговоре на одинаковом с нами уровне беспомощности участвовал член руководства партии. Кстати, он все время возвращался к теме об аграрно-промышленных комплексах. Брежнев велел упомянуть о них в тульской речи. Все смолчали, хотя Пономарев «между нами» раздраженно доказывал, что делать этого не нужно. Из этого, мол, даже в Молдавии ничего не получается... А людей этими комплексами отваживаем разводить свиней, растить овощи и фрукты в своих огородах. С чем тогда вообще останемся?! Чем страну кормить будем?!

Ведь речь задумана, чтоб протянуть руку Картеру накануне его инаугурации 20 января. Заодно чуть «надавить» на нового президента. Опровергнуть еще раз (на высшем уровне) «советскую угрозу», по поводу которой перед вступлением Картера в должность вновь развернута массированная пропагандистская кампания. Однако шум о «советской угрозе» опирается на факты. Тут я сослался на Арбатова, который недавно вернулся из Америки и у которого в институте «много знали». Скрыть нашего ракетного и иного наращивания нам не удавалось прежде и не удастся вновь. Поэтому отделаться периодическими заявлениями, что мы никому не угрожаем - не получится. Если мы не пойдем на реальное изменение военной политики и на деле не покажем, что действительно хотим сокращения вооружений, что не стремимся к превосходству в «первом ударе», гонка, рассчитанная на наше экономическое истощение, будет продолжаться.

17 января 77 г.

По телевизору – Брежнев в Туле… с текстом, который мы делали в Ново-Огареве.

При первом чтении текста в Кремле произошла перепалка между Б.Н.'ом с одной стороны, мидовцами и Блатовым, с другой, по поводу того, что сказать Форлани (МИД Италии), которого Брежнев должен был принимать на следующий день. Пономарев, в свойственной ему «идеологической» манере, настаивал, чтоб Брежнев, воспользовавшись экономическим интересом Италии к нам, «нажимал» - зачем итальянцы базу американских подлодок держат под Римом. Это-де опасно и проч. Блатов и мидовцы урчали: мол, ничего эта база не стоит и вообще это не база, а порт заправки, все равно итальянцы американцев прогнать не смогут, и из НАТО не выйдут. Так что бесполезно на них нажимать.

Брежнев слушал этот довольно резкий спор молча, но вставлял словечки, из которых было ясно, что он на пономаревский путь не встанет.

Б.Н. потом, в машине, излил все свое возмущение на «этих»… «Где их только воспитывали?! Совсем забыли. Идет классовая борьба. И итальяшки нас тоже надувают. На них надо жать, а тут…(махнул рукой). И вообще не надо было генсеку встречаться (с Форлани)… Это все Громыко тянет каждого на высший уровень. А ему (т.е. Форлани) может и жить-то на МИД'е месяц-другой».

Во время второго чтения Брежнев кое-что сказал о беседе с Форлани: Приятный, молодой, контактный, общительный. Обещал поставить вновь вопрос об инициативах ПКК в НАТО… Это кое-что. Ведь НАТО отверг наше предложение… Дают (итальянцы) нам еще кредит – 700 миллионов рублей»

Все это надо было понимать так: Пономарев напрасно горячился. И вообще – если разрядка, так надо говорить о деле, а не заниматься нажимной пропагандой.

Сегодня прошла через Суслова статья против Элленштейна (для «Нового времени»). Это будет первый идеологический выпад против ФКП. Они ответят.

Медведев (зам. зав. Отдела пропаганды) был во Франции по партобмену. Пишет в телеграмме, что там они все за дружбу с КПСС и проч. То же самое, что и у меня в кабинете, когда здесь были Тригон и Лемаэк.

А Марше и Канапа продолжают свирепствовать в mass media. В порядке борьбы «со всякой ложью в партии» опубликовали заявление ПБ о XX съезде КПСС. Вытянули на свет Коньо и Дуазе, которые вместе с Торезом и Дюкло были в делегации ФКП и велели им рассказать, как было дело. И их «признания» включили в текст ПБ. Мол, дали делегации текст Хрущева на русском языке на несколько часов, конфиденциально. Просили не делать записей. А потом, когда ЦК ФКП официально попросил у КПСС текст, - не дали…

<u>21 января 77 г.</u>

Между прочим, 53 года со дня смерти Ленина! Не так уж много…

Речь Брежнева в Туле. Зарубежный мир воспринял ее очень активно и понял то, что ему хотели сказать. И американцы, и немцы. Шмидт даже «с удивлением» заметил, что его представления о разрядке (понятие) совпадают с тем, как ее понимает Брежнев. Этот кусок писал только я. Значит, попали в точку. В понятие разрядки не надо вкладывать «классового» содержания. Другое дело – «мирное сосуществование».

В общем «оливковая ветвь» перед инаугурацией Картера, как и задумал Брежнев, состоялась. И очень хорошо, что так. Массированная кампания о «советской угрозе» сразу как-то потеряла жало.

Б.Н. вчера о заседании ПБ. Брежнев, говорит, обратил с беспокойством внимание на то, что Политбюро наличествовало в половинном составе. Громыко хватил инфаркт. Андропов болеет уже два месяца. Мазуров вышел, но не тянет. Подгорный опять слег. У Черненко осложнение на легкие после гриппа. Капитонов вчера попал в больницу. Суслов все-таки основательно заболел, хотя крепился несколько недель. Соломенцев тоже давно болен.

Б.Н. еще и еще раз собирал по поводу подготовки к Софии. Как часто бывает перед «ответственным выступлением», в голове у него муть и только хорошо знающие его чувствуют, что он что-то хочет сказать не совсем банальное, что-то в духе своей ортодоксии, но более или менее адаптированное к тому, в чем нуждаются именно сейчас и собеседники (секретари ЦК соцстран) и МКД вообще. Ломаем голову, как придать этому смутному намерению какие-то внятные формы.

Во вторник – на Секретариате ЦК. Вопросы «планирования и стимулирования» – возвращаются к идеям экономической реформы. Огромное впечатление от наших министров, особенно Антонова (электротехническая промышленность). Сколько ума и таланта в наших людях, мысли, хватка и широта характера! Если б им дать волю делать так, как они могут - за пять лет преобразили бы страну. Но. По собственным словам Антонова на Секретариате ЦК, - план мешает.

Из большой и острой полемики, которой руководил Кириленко, я понял, что самая консервативная сила в нашей экономической политике – Госплан.

28 января 77 г.

Любопытные соображения. Шариф Джавад (зав. британским сектором) приглашает к себе в ЦК деятеля с Лубянки, ведавшего судом и проч. делами Буковского, он же его сопровождал (в наручниках) до границы. В своей восточной манере Джавад ему внушает: Что же, говорит. вы там делаете?! Вы бы хоть немного посчитали последствия. Элементарно: Буковский был осужден народным (!) судом как уголовник. Вы его выпускаете и выдворяете за пределы страны. Но кто такие – вы?! Ведь выпустить преступника, по нормам любой демократии, может лишь тот же народный суд или Верховный Совет – высшая власть. Вот пусть бы суд или Верховный Совет вынесли постановление: заменить Буковскому оставшиеся годы тюрьмы высылкой за границу и лишением гражданства. А потом устроить пресс-конференцию: мол, так и так – Пиночет предлагает выпустить Корвалана взамен уголовника. Пожалуйста! У нас еще десятки уголовников – давайте менять на хороших людей. И объявляем на весь мир об этом. А вы получайте наших уголовников и называйте, если угодно, их борцами за свободу.

Товарищ из КГБ «доверительно» сообщил Джаваду, что в своей первоначальной «разработке» примерно это все он и предложил. Но… не прошло!

Почему? Думаю, то же боязнь гласности. Хотят все сделать втихоря. Но теперь такое не проходит.

Карэн, который готовил все проекты обмена Корвалана на Буковского, но лишь «ту» (корвалановскую) сторону знает, говорит, что все решалось на уровне Брежнева. Хорошо, но «председатель»-то (КГБ) – разумный и опытный человек. Он-то мог увидеть последствия.

К этому же: завтра я буду иметь встречу в Шереметьево с Макленнаном и Уоддисом (летят из Токио домой, в Лондон). Говорю Б.Н.'у об этом. Он меня учит: задайте им вопрос – уместно ли сейчас проводить визит КПВ в Москву на высшем уровне (намекая на то, что «Морнинг стар» и Исполком КПВ полностью присоединился к кампании «Буковский-Корвалан», а в эти дни осудили еще и травлю чехов за поведение в связи с «Хартией-77»). Я рассказываю ему о том, что было с Буковским в Англии (объятия в парламенте с Тэтчер, отказ Каллагана его принимать, объятия со Штраусом в ФРГ и т.д.). Оказывается, Б.Н. ничего этого не знает, хотя ТАСС давал информацию каждый день. Начинает шуметь: куда смотрят наши сектора, почему «Правда» не обыграла эти вещи и т.п. Мол, сейчас позвоню Афанасьеву или самому Зимянину. Я его охлаждаю, напоминая о том, что «Правда» ни разу, ни в какой связи до сих пор не называла имени Буковского… И теперь, вдруг!…

Наш Б.Н. вообще – либо маразмирует, либо теряет последние остатки порядочности. Он то и дело приглашает Корвалана и поучает его (перед поездкой того по Европе), науськивая на французов, итальянцев, испанцев. Причем почти открыто дает понять, что «за освобождение надо платить», по крайней мере – отрабатывать.

Б.Н.: Мы, конечно, не ведем полемики, как вы знаете. Но учтите, что и в ЦК, и весь актив КПСС считают то, что происходит у французов, итальянцев, испанцев и некоторых других, к сожалению, крупных партий, - ревизионизмом, сдвигом в сторону социал-демократии. Причины? Присмотритесь к руководящим кадрам. В ФКП – кто такой Канапа? Случайный человек. Все время был журналистом и вдруг сделали членом ПБ. И вообще – он ведь не француз. И Фиттерман, который ведает у них идеологией – не француз. Не знаю насчет Марше… Но ведь во время войны, когда все пошли в Сопротивление, он оказался в Германии, работал там на заводе, добровольно. Вы в тюрьме сидели, не читали, возможно, какую тут кампанию развернула по этому поводу буржуазная печать. ФКП, конечно, защищала своего генсека. Но факт остается фактом. Возможно, еще тогда был завербован…

… А вам передали все деньги, которые мы вам посылаем? Через аргентинскую КП?

Корвалан: Да. Но Лили брала их не только для нас, она распределяла между многими семьями заключенных…

Без связи: Или взять Каррильо… Не поймешь, кто это. В стране не был 30 лет… Содержала его ФКП… на деньги, которые мы ей давали. А теперь вот он главный антисоветчик в комдвижении.

Корвалан (а бесед таких было три) сидел с каменным выражением. Иногда говорил «спасибо», иногда пытался что-то вставлять насчет несовершенства нашей пропаганды, которая, мол, неудачно критикует «плюрализм». Сам же он открыто, на митинге в гостинице «Россия», когда его чествовал здесь Кириленко и др., четко выступил за самый широкий плюрализм в Чили, включая христианских демократов. А в интервью для итальянского телевидения развил эту тему, по существу полностью присоединившись к концепции Берлингуэра.

Поразительна не только безнравственность Б.Н.'а. но и его слепота. Неужели он думает, что человек такого масштаба, как Корвалан, за то, что его освободили, дали квартиру и дачу, будет служить слепым орудием дешевой пономаревской пропаганды?! Неужели он думает, что Корвалан будет формулировать стратегию борьбы в Чили (а он заявил уже, что он вышел на свободу, чтобы объединить всех чилийцев на демократической платформе против Хунты и чтоб быть инициатором создания такой платформы) – так вот, неужели Б.Н. думает, что Корвалан будет составлять эту платформу под диктовку его замшелых краткокурсных поучений?!

Не приходило ли ему, Б.Н.'у в голову, что если он так будет вести себя, то Корвалан просто переместится в Югославию, в Румынию, даже в Италию – под аккомпанемент страшного скандала?

5 февраля 77 г.

Я с понедельника (31 января) – в Серебряном бору, в старой своей 100-метровой комнате с окнами на сосны, гнутые и «с кисточками» наверху.

Готовим (вплотную уже) софийское совещание секретарей ЦК соцстран. От нас поедут Пономарев, Катушев, Зимянин.

Идеологическая ситуация – куда, как не подходящая: у чехов «Хартия 77», в ГДР – дело Бирмана, в Польше до сих пор не расхлябались с летними волынками в связи с повышением цен. «Еврокоммунисты» неистовствуют в поношении социалистических режимов.

Идея Зимянина для Софии – «успокоить друзей». Мы-то ведь сильные, все видели. Нам эти диссиденты и их покровители – тьфу! А они (чехи, немцы) запаниковали. Надо поддержать, успокоить… Ничего, мол, не случится. Все уляжется и будет по-прежнему.

Статья маршала Устинова в «Коммунисте» к годовщине Советской армии. Рассылка по Политбюро. Я Б.Н.'у передал письменный отзыв, совершенно нахальный… Обозвал статью «эшелоном дров» в костер «советской угрозы». Выразил удивление полным нежеланием понимать или хотя бы знать внешнеполитическую тактику в данный момент, ради которой выламывали мы себе мозги в Ново-Огареве, готовя тульскую речь Генерального.

А может, так полагается: ЦК КПСС, Брежнев – одно, а генералы прямо противоположное?!

Б.Н. ничего не ответил мне. Но ведь и не может быть ответа. Осмелится ли он самому Устинову или помощнику Брежнева, или Суслова сказать, что «так нельзя»?!

11 марта 77 г.

С 27 февраля по 4 марта – в Софии. Совещание замов по социал-демократии (предварительное перед встречей секретарей ЦК). Моя речь. Полемика с румынами. Пошлые провинциалы – ни то, ни сё. Смешно и стыдно (и за себя, и за них).

Встреча секретарей в Софии. «Шестерка» - Б.Н. мямлил, отступая от памятки. Истерика Биляка, который рвался «поименно» осуждать ревизионизм ФКП, ИКП, КПВ. Никто

не поддержал. Б.Н. аргументировал методикой, которая была применена нами для срыва образования платформы еврокоммунизма в Мадриде (Берлингуэр, Марше, Каррильо). Но Биляк все-таки назвал партии и при румынах на самом совещании. Думаю, он в тайне имел поддержку Катушева, который и на «шестерке» в противовес Пономареву «сочувственно» отнесся к вопросу Биляка. Б.Н. утром, по пути в зал совещания, еще раз предложил Катушеву и Зимянину втроем «подойти» к Биляку по этому поводу. Зимянин горячо поддержал, а Катушев отказался. Тут нет политики.

Катушев не «ястреб», просто ему хочется быть хорошим со всеми «своими», в том числе и с румынами. К тому же он по-простецки полагает, что ни то, ни другое – ни кнут, ни пряник – «еврокоммунизма» уже не остановят.

А в субботу вечером (26 февраля) горела гостиница «Россия». 43 погибших, в основном секретари обкомов, приехавшие в Москву на какое-то совещание. Слухи – о сотнях погибших. Слухи – о диверсии. На другой день – пожар в министерстве Морфлота. Все Политбюро было ночью собрано в ЦК. Зимянин мне говорил в Софии, что «пока все-таки надо думать – халатность: загорелся кабель лифта».

12 марта 77 г.

Б.Н. опять задумал воспитывать братские партии Западной Европы с помощью брошюры «Устарел ли марксизм-ленинизм?» Ему ее за два месяца должны будут написать Козлов, Бутенко и Шмераль. Вчера он собирал всех упомянутых плюс академик Федосеев и излагал, чего он хочет. Потом собрались у меня (кроме Федосеева) и я цинично им разъяснял, что именно имеет ввиду Пономарев. Они хохотали и чесали затылки.

Я не пишу здесь о событиях «мировых», которые меня лично волнуют иногда не меньше, чем личные. Но дневник – это все-таки «о себе»… например, проблема диссидентства. Картер принял Буковского и вообще собирается стать неким патриархом всех обиженных, изгнанных и арестованных. Циничные европейские лидеры (Жискар, Каллаган, Брандт, Шмидт) ухмыляются. Большие газеты беспокоятся о разрядке: как бы миссионерство президента не повредило ей, советуют не путать политику и мораль. А мы нервничаем. Брежнев в закрытом письме Картеру по ракетам – врезал ему и насчет его «личного» письма Сахарову, и насчет приема Буковского.

Наша пропаганда неистовствует по поводу нарушений прав человека в капиталистических странах: это называется «наступательной тактикой» в идеологической борьбе.

Что я лично думаю о диссидентстве, которое превращено в ходе реальной классовой борьбы между двумя мирами в главное орудие против нас. Конечно, Картер (может, он это делает для рекламы, для популярности среди американских обывателей) не понимает, что он выглядит в глазах серьезных советских людей мелким провокатором. Потому, что Буковский (в отличие от прежнего, Солженицына, который представлял какую-то часть интеллигенции) никого не представляет. Политически он просто бузотер, мелкотравчатый скандалист.

Но он представляет (вернее отражает) социальное неблагополучие у нас. Оно, правда, невыразимо в политических терминах, но оно – реальная вещь и весь народ это чувствует, хотя и не идентифицирует это с Буковским и К°. Скорее он свяжет это с пожаром в «России», с взрывами в метро, на улицах (ибо российская история стихийно подсказывает такую связь, а не апелляцию к другим **государствам** против **своего** правительства!)

Другое, конечно, дело – диссидентство, например, в Литве: школьники, студенты плюс католическая церковь и эмигрантские центры… Это особая проблема. Эту проблему может решить только сама жизнь. И на нее, действительно, открыто не надо реагировать.

Однако, у нас нет пока ответа на диссидентство типа Амальрика, Буковского, Сахарова. Наши действия пока объясняются удивлением: как это может быть? Не может и не должно этого быть в нашем обществе! Т.е. – щедринский, а не ленинский подход.

Я тоже не знаю, что делать. Хотя то, что предлагают наши западные друзья (КП) – не решение. Они тут – чистые догматики: свои, чисто западные модели, хотят приложить к России…

12 марта 77 г.

Читаю в «Новом мире» «Технику безопасности» Юрия Скопа, ученика Шукшина. Очень здорово, очень современно.

Любимов поставил «Мастера и Маргариту». Говорят, как «встреча с вечностью». Звал, а мне не хочется идти на «просмотры» (прогоны), потому, что потом надо говорить Любимову, какой он великий и гениальный.

19 марта 77 г.

На работе самым крупным событием было «освобождение» Катушева. На том же Политбюро, на котором утвердили, наконец, письмо к ЦК ФКП с упреками в «еврокоммунизме» и антисоветизме и утвердили итоги Софии, вдруг в конце, неожиданно для всех (это мне Б.Н. рассказывал) Брежнев предложил назначить Катушева зам. пред. Совмина и советским представителем в СЭВ'е, а Русакова вновь сделать зав. отделом. Все, конечно, поддержали.

Но каков «порядок»? Он что – не подходил? «Не соответствовал», не справлялся? Все, вроде, как раз наоборот. Все были довольны, как он в общем умело проводил «осторожную» линию и в отношении китайцев, и в отношении румын, и в связи с экономическими осложнениями в СЭВ'е (цены на нефть и проч.). Разумный, молодой, активный, хорошие контакты у него установились с лидерами братских стран…

Все дело в том, как почти открыто говорят в коридорах, что «надо сделать секретарем ЦК Русакова»… И дело не в Катушеве. Генеральный очень любит Русакова и хочет его вознаградить. Вот и все. Так сказать, по-семейному. Но в такой обстановке, при таких «кадровых порядках» возникновение политических деятелей в нашей верхотуре начисто исключено. Все они – чиновники, которые ни за что, ни про что могут по прихоти перемещены, смещены, удалены, повышены, понижены и т.д. Представляю себе состояние Катушева, когда он, только что активно выступавший на ПБ по делам Софии и проч., услышал это «предложение»!

22 марта 77 г.

Накануне XVI съезда профсоюзов мне приснился сон. Воспроизвожу как записал проснувшись. «Парк. Похоже - где-то на месте зоопарка, но по конфигурации напоминает Сокольники. В центре какие-то лестницы царского типа, они поднимаются к платформе. Справа внизу - бассейн и бани. Слева - теннисные корты. Весенний майский день. Много народу. Ждут. Я стою на платформе с краю. Появляется Брежнев. На руках у него ребенок, девочка явно еврейского вида. Рядом - женщина, сухая, некрасивая, похожа на одну мою знакомую. Он в белом летнем костюме. Веселый, шутит с окружающими. По толпе шепот: пойдет в баню или на корт? Свернул вроде направо, к бассейну. Но через минуту появился опять на платформе, уже в пижамных штанах и безрукавке (таким я его видел однажды в Завидово), в накинутом неопрятном халате. Вид растерянный, пьяный. Девочка по-прежнему на руках. Рядом паясничает какой-то молодой человек, спортивного вида, в коричневых трусах и тенниске.

И вдруг Брежнев вынимает член, большой, полунапряженный, и начинает ссать. Не под себя, а в толпу. И как-то так получилось, что близко бывшие от него расступились, и струя направлена на меня. И хотя я метрах в 15-и и почему-то уже в углу какого-то зала, струя чуть не достигает меня. Вижу, что он не «персонально» на меня ссыт (помните? никогда ко

мне не оборачивался, когда я даже ему лично что-то говорил). Тем не менее я не знаю, что мне делать. Все на меня смотрят. Я колеблюсь - ловко ли, не оскорбительно ли для него уклониться от его брызг. Я все-таки пытаюсь отстраниться... Провал. Брежнев исчезает куда-то в сторону кортов. И в этот момент начинается страшная сумятица. Все в панике бросаются к ограде, перед нею крутой обрыв, за ним - канава, потом уже улица, по которой мчатся машины. Люди срываются с обрыва, катятся, сбивают друг друга, лезут сквозь прутья ограды и под нее. Визжат дети, женщины растрепанные мечутся среди упавших. Грохот, вой сирен.

Я просыпаюсь и долго не могу понять, что со мной, наяву ли, во сне все это произошло?»

А в 10 утра я сижу в первом ряду Кремлевского дворца съездов. Выборы «руководящих органов» съезда. Шибаев читает по бумажке, не останавливаясь и не глядя в зал: «Списки мандатной комиссии розданы делегатам. Кто «за» – подымите временные удостоверения. Кто «против?» Нет. Кто воздержался? Нет» И т.д.

Слово предоставляется Генеральному секретарю… И начался сеанс маразматизма. Бовинские ораторские штампы звучали в этом косноязычии совершенно нелепо. И чем дальше, тем хуже. Чем больше он уставал, тем очевиднее становилось, что он едва ухватывает смысл того, что читает. Один раз даже он остановился надолго, перевернув назад страницу и как бы про себя, но на самом деле в микрофон сказал: «Правильно что ль я прочитал?»… Временами он собирался с силами, видно было – это стоило ему огромного напряжения и пытался произносить «с выражением», производил жесты не очень впопад. А потом опять путал порядок слов, читал их неправильно, создавая бессмыслицу.

Я наклонился к Можаеву (зав. международным отделом ВЦСПС, бывший наш референт): «А у синхронщиков текст есть или они со слуха?» - Нет, Анатолий Сергеевич, мы просили, но нам не дали.

Я взял наушник, поставил на французский, потом на английский. Боже! Там или отрывочные слова, иногда просто набор отдельных фраз, которые переводчик по собственному усмотрению успевал конструировать.

«XVI съезд профсоюзов» оратор упорно называл двадцать шестым… и зал «шептался», а в президиуме смущенно переглядывались.

Когда он подошел к Ближнему Востоку, даже я, который знал текст (читал рассылку за день до этого), перестал что-либо ухватывать. Оратора, видимо, начала охватывать паника. Он еле владел собой. Весь потемнел. Лицо осунулось. С трибуны под гром овации он шел качаясь, не видя перед собой никого и ничего. И в президиуме встал не на свое место. Думаю, он был «в нокдауне». К счастью, скоро был объявлен перерыв. Он оправился и начал здороваться и перебрасываться с членами президиума.

Возникает несколько серьезных вопросов.

Зачем надо было готовить речь на два часа?

Зачем было вообще выступать с докладом, да еще перед отчетным докладом председателя ВЦСПС?

Как выглядит «оптимизм» и бодрячество, заложенные в тексте на фоне очень серого положения в стране, о котором 5.000 делегатов отлично осведомлены?

Зачем вообще, зная свой физический предел, выставлять себя на позорище, и всю «верхушку» партии, весь механизм верховной власти делать посмешищем?

Правда, вечером по телевизору, в программе «Время» пленка была здорово поправлена. Наиболее нелепые косноязычные слова и фразы вообще исчезли. «26-ой» съезд уже не прозвучал и даже вся тональность произнесения была приличнее, чем на самом деле. Чудо «техники!»

Но за всем этим стоят еще более серьезные вопросы. Как можно, сознавая свою полную беспомощность, оставаться на таком посту? Зная при этом, что, как и при Сталине (правда, без трагических последствий) никто поперек и пикнуть не смеет: власть абсолютна и слово (каким бы нелепым и некомпетентным оно ни было) – решающее и окончательное!

Словом, мы вскоре за Мао-Цзе-Дуном повторяем то, что имело место и там, и над чем мы откровенно издевались.

1 апреля 77 г.

Долго болел, но вчера уехал на работу. Перевернул ворох, накопившихся за неделю бумаг. Почитал, в частности, стенограмму первой беседы Брежнев-Громыко-Вэнс (секретарь США).

Читая почти ежедневно инопрессу не находишь в таких «отчетах» ничего нового. Это – первое впечатление. Секретен лишь дух и детали, причем не военные и т.п., а «персональные» и атмосфера.

Сначала Брежнев изложил американцу общие позиции (я их читал раньше по рассылке)…буква в букву, с добавлением лишь соболезнования по поводу гибели двух самолетов в Санта-Крус (около 600 погибших сразу).

Но Вэнсу Брежнев с Громыко не давали говорить? Я представляю себе ситуацию так: поскольку позиции, которые он вез, были заранее сообщены, то терпения их выслушивать не хватило. Напротив, раздирало нетерпение высказать свое неудовольствие и несогласие. И это делалось в довольно грубой бесцеремонной форме, иногда прямо оскорбительной для Картера. Вэнс это все переносил, ни разу не выразил и намека на протест. Только после каждой «шуточки» с нажимом напоминал, что он хотел бы изложить привезенные позиции до конца.

Брежнев то и дело заводился на «правах человека», иногда вне прямой связи с ходом «обмена мнениями».

В ответ на мысль Вэнса, что вы имеете перед собой президента, который пользуется такой поддержкой большинства американцев, какой никто из прежних президентов не имел. Брежнев, прервав его, рассказал «сказ» (он так и выразился): по-моему из Ходжи Насреддина. Мол, на восточном базаре некто закричал, что в том конце плов дают задаром. Один, другой, третий побежали туда, потом – целая толпа. И потом тот, кто прокричал, поверив, бросился за всеми. Так вот, мол, и у вас насчет того, что президент выражает мнение народа…

Вэнс и ухом не повел… Попросил продолжать дальше.

Его вновь и вновь прерывали – «врезая» довольно грубо по поводу вмешательства в наши внутренние дела по правам человека.

Впрочем, и по результатам переговоров и по контексту (несмотря на явную демонстрацию негодования и грубости) – у меня не создалось впечатление, что, обидевшись на Картера за Сахарова и Буковского, мы отказались идти навстречу по действительно важному делу – о стратегическом оружии.

Думаю, что нас все-таки хотят одурачить: предложив рассчитанное на «всемирный» и шумный эффект заметное количественное сокращение ракет, носителей и проч., фактически ослабить наш потенциал. Ибо при превосходстве в качестве (электроника – наведение, точность, плюс ракеты «передового базирования» вокруг СССР) уменьшения количества ракет ставило бы нас в явно невыгодное положение. Не говоря уже о том, что американцы не хотят брать в счет «крылатую ракету», которая грозит нам новыми десятками миллиардов на создание новой оборонительной системы в дополнение к ПРО против баллистических ракет и самолетов.

Поэтому наша непримиримость и грубость (она присутствовала и на теле-конференции Громыко 31 марта) – по делу-то оправданы. Не понимаю только, неужели американцы действительно всерьез рассчитывают на то, что ради их «технологии» мы пойдем на самообман? Неужели они и в самом деле убеждены, что без их капиталов и техники (которая часто у нас, купленная за золото, ржавеет под снегом годами) не обойдемся?! Неужели они так же, как и мы, верят до сих пор в ядерный шантаж и с его помощью хотят нас списать из мировой политики?!

Впрочем, они играют на многих клавишах, особенно ушлый Бжезинский, который начал игру с «еврокоммунизмом», который нам (как идеологической державе, а значит – и как державе в целом) стал более опасен, чем ядерный потенциал США.

Сегодня я прочел выступление Э. Карделя[1]. Умен. «Марксистская мысль в Западной Европе, говорит, пробила барьеры догматизма и…идеологии антикоммунизма». Надо понимать, что КП действительно интегрировались в западное общество и становятся фактором его «революционной эволюции» (это мой термин, не Карделя). Он добавляет: «Рабочий класс имеет там перед собой (в качестве врага) не только буржуазные реакционные силы, но и военные блоки» (т.е. – и нас, социалистическую систему, социалистическое содружество). Комдвижение из орудия одного из блоков превращается в орудие борьбы и против социалистического блока. Эту мысль до Карделя развивал уже Каррильо. Но она отражает, увы, реальности… Ибо против нас теперь не только социал-демократический рабочий класс, но и та его часть, которая представлена коммунистами.

Вчера я позвал к себе Зуева (зав. сектором романских КП). Он только что вернулся из Парижа: вручил ФКП письмо ЦК КПСС. То самое. Он дал буквально хронику – как и с кем он там встречался. Канапа, Плиссонье, Леруа. (Кстати, ФКП вместе с ФСП одержала только что крупную победу на муниципальных выборах, и Марше не преминул отнести это за счет линии их XXII съезда). Официального ответа он не привез. Но – чего мы не ожидали – письмо обещано обсудить на ЦК, т.е. его скрывать не собираются, не боятся. Лейтмотив всех – от Канапы до Леруа – «вы должны согласиться, что между ФКП и КПСС существуют серьезные разногласия».

Когда эта формула была впервые официально произнесена на XXII съезде ФКП, мы в Москве были шокированы, но не поняли всего глубокого и принципиального ее значения. Она означала: мы отныне **принципиально** отличаемся от вас, между нами не может быть идейного единства. И не может быть нормальных отношений, пока вы (КПСС) не усвоите (так же, как вы усвоили это, правда, с большой натугой в отношении, например, Брандта), что ФКП и КПСС – это «две очень большие разницы». И вы впредь не можете от нас требовать того, чего «вправе» были требовать на протяжении почти 60-ти лет, ссылаясь на то, что и мы, и вы – едино суть в рамках МКД.

Сам факт нашего письма (хотя содержание его не касается «их пути к социализму», а посвящено лишь их «антисоветизму», их попыткам набить себе цену за счет критики в наш адрес) – как раз результат такого непонимания с нашей стороны. Мы еще исходим из формулы Пономарева: «Уму непостижимо! Как могут коммунисты позволять себе такое!» Так вот – могут! Смогли югославы (но это было совсем «не в ту эпоху», когда можно было это понять!), потом китайцы (их уже легче было понять, поскольку это был «Восток» - непонятный «Восток»). И теперь вот, наконец, - единокровные братья, из самого ядра МКД… Оказывается, тоже могут!!

Мы придираемся к частностям. Например, мы в письме высмеиваем тезис Марше: «Свобода неделима!». Действительно, демагогический и с точки зрения любой серьезной, похожей на марксизм теории – чистейшая нелепость. Но ведь дело-то **не в существе** формулы, а в том, для чего она предназначена. А она предназначена для того, чтобы отличаться и дистанцироваться от нас, быть никак на нас не похожими! И плевать на всякую теорию! Даже хорошо, что это не укладывается в «общую теорию».

Прочитал «Голодный год» Пильняка. На меня это произвело… Взрыхлил еще раз, сотни раз продуманное о России и Революции, о том, от чего, к чему и зачем. И художественно, конечно, сильно. Он не создал направления, но оставил мощный след в советской прозе (настоящей)!

[1] Эдвард Кардель – один из ближайших соратников Тито во время войны и после, член руководства СКЮ, теоретик югославского коммунизма с мировым именем.

2 апреля 77 г.

Загладин разослан по замам главу из большого нового труда американского Шапиро – о КПСС. Глава посвящена роли Международного отдела ЦК. В целом там одна клюква на другой, хотя Шапиро их крупнейший советолог и кремленолог. Немыслимое преувеличение роли отдела и Пономарева, вплоть до того, что мы будто формируем все внешнеполитические идеи, что под нами безгласный МИД ходит, что и все внешние кадры мы выбираем, и в конце концов они «дрожат» перед нами, а не перед кем-либо. Роль Пономарева в руководстве КПСС тоже невероятно вздута и совершенно неправдоподобна. Хотя с точки зрения «научной логики» - т.е. биографии Б.Н., им кажется, что иначе и быть не должно. Ничего-то они в нас не понимают!

Однако, есть и любопытные наблюдения. Тщательно проанализированы все публичные выступления Пономарева. И по ним прослеживается эволюция международной стратегии Москвы, в особенности ее линии приспособления компартий и МКД, а также всяких «демократических движений» к потребностям и главным внешнеполитическим задачам Москвы в каждый данный момент. Прослеживается и тактика КПСС, рассчитанная на удерживание МКД под собой («борьба за единство»). В этой части тоже много упрощений, домыслов и слишком уж логичных умозаключений. Но где-то, очень преломленно «эволюция реалий» находит отражение.

Отмечается роль Загладина как первого зама. Подстегиваются и его статьи для выявления нашей «стратегии и тактики». Оценивается его место в Международном отделе, пожалуй, соответственно действительности. Называется Ульяновский, это лишний раз подчеркивает, что они «там» абсолютно не знают реального механизма и положения дел в нашем отделе.

Ни Шапошников, ни я – не упоминаются, хотя к тому, что они вычитали у Б.Н.’а, я имею самое прямое отношение. Меня, надо признать, это даже «задело». Да! И здесь важнее, оказывается, «выглядеть», а не «значить». Ульяновский, например, ничего не делая в отделе и ничего там не значa, чуть ли не ежемесячно появляется в «Правде», - то, как автор подвала (пустого, бесстыже трепалогического), то как участник (вместе с каким-нибудь секретарем ЦК) беседы с каким-либо американцем или азиатом. А Загладин при всей своей огромной загрузке успевает и писать: это уж талант, вернее сверхчеловеческая работоспособность. Кстати, об МКД он пишет гораздо смелее и потому интереснее, чем это, как правило, удается сделать мне в пономаревских статьях и докладах. Что естественно!

10 апреля 77 г.

На предстоящей неделе, видимо, поеду в ФРГ и в Швейцарию (по 3-4 дня), чтоб поговорить с Мисом и Венсаном о «еврокоммунизме» и о том, какое КПСС придает в этих условиях значение совещанию партий в Праге по журналу ПМС.

Был в Москве Фидель Кастро. Из стенограммы видно, что он никакого отношения не имеет к восстанию в Катанге (в Заире). Напротив, выражал возмущение, что ангольцы его заранее не поставили в известность, а «не знать они не могли». Разговор на эту тему начал Брежнев, явно желая прощупать, не дело ли это кубинцев и согласился, что «влезать в это не нужно ни под каким видом». А между тем, от американцев до китайцев все шумят о нашей и кубинской интервенции, а Мобуту даже разорвал дипотношения с Кубой.

Весь апрель Брежнев на экранах и в газетах-то с Вэнсом, то с Кастро, то с Арафатом. Подгорный по всей Черной Африке проехал. Косыгин – то с финнами (был там), то с турками. Смотрит народ и удивляется: неужели у нас дома настолько все в порядке, что эти старики из самых последних сил могут позволить себе заниматься, … ну, ладно – с Вэнсом, это в конце концов вопрос жизни и смерти, а и с Арафатом.

Кто такой Арафат и все эти арабы (кстати, через неделю приедет Асад)? Зачем они советским людям? Что нам там надо? Почему мы тратим на них столько времени и, наверно,

денег? Троллейбусный и метро-пассажир, конечно, привык. Остро это не воспринимает, хотя и бурчит. Но авторитет, престиж власти все падает и падает, равнодушие и насмешливое «народное» презрение ко всей этой возне стало обыденным явлением массовой психологии. Какая-то безумная логика маразма, обеспечиваемая четкой и лихорадочной работой аппарата – именно в этом направлении. Аппарата пропаганды и аппарата партийно-государственного. И я к этой гибельной логике имею прямое отношение.

Сижу читаю Ахматову и … захлебываюсь. А раньше никогда она меня не волновала. Может, впрочем, никогда всерьез не вчитывался. Однако, симптоматично, что интеллигентная молодежь, вернувшись с войны (и та, которая выросла во время войны) так «набросилась» на Ахматову и Пастернака (помню ошеломляющий их вечер осенью 1946 года в Комаудитории МГУ на Моховой) – поэтов, которых и советскими-то до войны называли «условно».

23 апреля 77 г.

14 апреля мы с Рыкиным поехали в ФРГ. Во Франфуркт-на-Майне прибыли уже поздно вечером, встречали нас только аэрофлотовец (посольским за 40 км. от Бонна надо спрашивать разрешение) и genosse из Гессенской организации ГКП, бывший активный подпольщик.

Дорога на Дюссельдорф. Нас предупредили, что сначала заедем домой к секретарю ЦК, Карлу-Гайнцу Шредеру (я его давно и хорошо знаю). Дом-вилла с большим участком, бассейном, гаражом и проч. Внутри – как в лучших кино о красивой жизни на Западе.

Рассказал Карлу-Гайнцу, зачем приехали. Затем на бешенной скорости – в Дюссельдорф.

Пошли в правление ГКП. Манфред Каплук (член ПБ) – «курфюрст» всего партийного Рура. Фанатичный партиец со стальным взглядом и тонкой, еле заметной улыбкой, которая почти не сходит с лица. Говорят, самый способный их партийный фюрер, но пьет. Тут же был Шредер, марта Бушман и еще другие. Я почти не вмешивался в разговор: шел «бизнес» Рыкина по межпартийным связям (деньги).

Потом Шредер посадил нас в свою машину и повез на квартиру к Герберту Мису, председателю партии. Он живет один. Жена и дочь – в СССР на учебе. Квартирка весьма… Обставлена и содержится за счет партии, т.е. за счет СЕПГ.

Уселись в гостиной, Мис включил радио (от прослушивания), долго благодарил КПСС за доверие. Наше письмо к французской КП они уже имели. Я изложил более развернуто позиции ЦК КПСС по еврокоммунизму. Рассказал об ответе французов, о беседе в ЦК с Ибаррури (перед ее отъездом) и об итогах переговоров с Вэнсом в Москве. Однако, после двухчасовых моих излияний Мис предложил сесть за стол. Я старался ловчить, думая о продолжении. Но Миса уже понесло.

Он начал с того, что французы на него давят, обхаживают. И в самой его партии появились выступления – почему бы не пойти по пути ФКП и ИКП, выигрыш, мол, очевиден. Затем он углубился в интересную тему, но все время как-то смущался. А тема: почему ГКП по объективным причинам не может и «не имеет права» склоняться к еврокоммунизму.

Потому, во-первых, что германский капитал – не то, что французский или итальянский. Он сильнее и беспощаднее. У него агрессивные традиции, и его национализм гораздо опаснее для окружающих. Мы обязаны постоянно помнить, что он принес миру в прошлом.

Во-вторых, мы здесь представляем социалистическую часть Германии. Перспективы у нас, знаете какие… Однако, мы – индикатор состояния мировых дел. Если и когда наш капитал прибегнет к фашистским методам подавления коммунистов, значит – война на пороге.

По этим причинам мы не можем «интегрироваться» в систему, на что сделали ставку французы и итальянцы. А главное, конечно, потому что мы – интернационалисты.

Он больше трибун-демагог, чем политический работник, но с сильным характером. И держится он с нашим братом, советскими, без тени заискивания, а политическое

подлаживание к нам прикрывает (довольно убедительно) верностью принципам. И на этот раз он не прикидывался, не делал вид, что безумно интересуется тем, что мы ему привезли. Слушал не очень «напряженно» и видно было, что он и сам знает, как ему поступать с еврокоммунизмом. И учить его особенно не надо.

Мис прямо говорил (очень я хотел бы, чтоб такие речи слушал Пономарев, но ему они ничего подобного не говорят, а сам он и знать этого не хочет): немецкий рабочий здесь живет хорошо. А немецкий капитал не может себе позволить снизить его уровень настолько, чтоб он был сопоставим с тем, что в ГДР.

Я спросил: но ведь у германской буржуазии при этом остается и для себя немалый кусок – не меньший, а больший, чем в Англии, например, во Франции, и даже в США (сравнительно). Как же это она умудряется и волков, и овец кормить вдоволь?

Ответ был настолько путанным, что восстановить я его не могу.

Вот читаю боевой, «страстный» доклад Зимянина о 107 годовщине Ленина. Верность ленинизму – признак революционера. Отход и искажение – признак ревизионизма. Общие закономерности действенны для всех и сейчас. Но что это дает МКД? О чем, собственно, речь? В чем должна выражаться верность и чему? Диктатуре пролетариата? Тогда ФКП, ИКП, КПВ, КПИ и многие прочие – все целиком ревизионисты. Или в чем-то другом? Но в чем? Вот будут коммунисты на Западе читать «Правду» и думать: чего же хочет КПСС, что она имеет в виду? Почему она до сих пор не говорит конкретно, что собственно, для нее приемлемо, а что неприемлемо в теоретическом плане? Или для нее важна лишь формула верности ленинизму вообще, т.е. абстрактно идеологическая сторона дела, а не суть революционного, т.е. обязательно теоретически точного подхода к действительности, что только и обеспечивает практическую эффективность коммунистам?! Боюсь, что за общими громкими декларациями доклада западные коммунисты увидят только одно – призыв к равнению на школьную теорию, преподаваемую в советских вузах.

Это бесперспективная позиция в наше время. Единственно возможная, по моему мнению: отсекать («давать отпор») антисоветизму Марше и К°, и идти на серьезные спокойные дискуссии (открытые и закрытые) по вопросам ленинизма - современной стратегии наших дней.

А утром 18-го, в понедельник, уже с Якухиным мы летели в Швейцарию. С той же миссией. Я несколько волновался, потому что уже знал, что они назначили для участия во встрече: Венсана – председателя партии и четырех членов ПБ, секретарей ЦК, – Мюре (Лозанна), Маньен (Женева), Лехляйтер (Цюрих) и Хофер (Базель).

С 10 утра и почти до 6 вечера шла «дискуссия». Они держались настороженно. Я уже чувствовал (по информации посольства), что меня они воспринимают как гонца, который везет упрек из Москвы по поводу только что прошедшего их Пленума, на котором они записали, что «не согласны с административными мерами в борьбе против идей».

И тактика была обдумана: показать с документами в руках, что от французов они ничего не заимствовали, что «свой путь» они придумали еще 20-25 лет назад, что они независимы и совершеннолетние.

Когда они поняли, что я приехал не упрекать их, а поговорить. Что делать всем вместе перед лицом позиции ФКП и КПИ, др., они замкнулись. Один за другим делали декларации: все аспекты своей политики мы можем объяснить вам и кому угодно, а за других мы-де не в ответе. Мы не хотим быть «ни бухгалтерами (намек: собирать цитаты против КПСС), ни судьями». Концепцию «свобода неделима» мы не разделяем, но выразили несогласие с административными мерами против убеждений.

Венсан рассказал, что на днях он выступал по телевидению – о правах человека в Швейцарии. «И вы знаете – мне в телестудию последовало 60 звонков. И все на тему – а как в СССР? Один болгарский эмигрант сказал примерно следующее: Хорошо вам, мсье Венсан,

сидеть в комфортабельной студии и разоблачать несовершенство прав в своей стране! Но попробовали бы вы этим заняться у меня в Болгарии»…

И в таком духе…Мюре говорил: зачем запрещаете абстракционистские выставки? В чем видите опасность?

Говорили и о «качестве советского пропагандистского экспорта», который непригоден для потребления «здесь» и его никто не берет.

Мне тошно было все это слушать. Во-первых, потому, что это навязло в зубах. Во-вторых, потому, что коммунисты, пусть даже не сочувствуя нам и не соглашаясь с нами, должны были бы проявить понимание, что у нас иначе не будет и не может быть. И если они хотят считаться с ролью Советского Союза – такого, каков он есть, они должны бы приспособиться к этому или учитывать хотя бы. Иначе зачем тогда комдвижение?

Впрочем, я все менее уверен, что им – и швейцарцам, и другим – нужны. Конечно, эти старики рассчитывают (или уже имеют) получить от нас пенсии, получают они и ежегодно вспомоществование. Но больше мы им уже ни на что не нужны. Наш моральный авторитет в рабочем классе, не говоря о другом населении – как силы революционной и как пример для подражания – сведен к нулю. Наши внешние дела и «успехи» – вызывают обратное действие на западную публику. И коммунистам апеллировать к массе от своего братства с КПСС сейчас уже никак не с руки. Мы в глазах этой массы – в лучшем случае сверхдержава. А наше героическое прошлое и наши жертвы против фашизма – история. И потом, в конце концов, мы защищали самих себя! Это еще Черчилль сказал, тем более, что прошло 30 таких динамичных лет. У нас цепь времен поддерживается искусственно (школой, пропагандой, литературой – всей нашей советской культурой). У них же она – достояние «специалистов», части интеллигенции, у которых (что касается их собственной родины) своя «цепь времен».

Слушал я швейцарцев и думал: а не превращается ли на наших глазах МКД в ведомственный бизнес товарища Пономарева?! Не поддерживается ли в нем душонка вот такими поездками, вроде моей, не говоря уж о таком сделанном нами целиком (а потом повернувшимся против нас) мероприятием, как Берлинская конференция?!

А (как и в других подобных случаях) здесь, в Женеве, я искренне «заводился» – говорил им о нелепости и опасности представлять духовную и идейную жизнь, вообще весь характер жизни советского народа так, как это делается «у вас». Говорил об огромном потоке литературы, высокого притом класса, о бесчисленном разнообразии острых и великих проблем, которые поднимает, разрабатывает, и о которых спорит не только интеллигенция, о неутоленной жажде знаний, о невероятном уровне потребления духовных ценностей – не сравнимом ни с одной страной мира, о масштабах и сложностях нашего общества, о содержательности и философском богатстве, разнообразии того, что называется «личностью». Пытался приводить всякие примеры.

Словом, хотел им показать, что они абсолютно не представляют себе того, о чем с такой легкостью и с таким апломбом судят, опираясь на обозленных и мелкотравчатых «диссидентов». Вернее, я призывал их, коммунистов, не подкидывать красок для разрисовки облика, который создают антисоветчики.

Я видел, что это «производит»… Хофер начал, например, рассуждать, что молодежь-де на Западе теперь политически грамотная, с порядочным культурным багажом, и ее не удовлетворяет, как вы пишите свою собственную историю (намекая на замалчивание Троцкого, о чем мне еще ранее сообщили посольские). Ответил притчей: конечно, у нас нет денег, чтоб удовлетворить все вкусы культурной молодежи Запада, интересующейся нами. Но те, особенно из КП, кто специально нас изучает, должен был бы знать, что за 20 лет после XX съезда изданы тысячи книг, архивных документов, целых документальных серий, десятки тысяч исследовательских статей, сборников, стенограмм съездов, конференций, Пленумов КПСС... и там ни о чем не умалчивается, там все, как было. Извольте. Но вот даже такой «признанный» специалист, как Элленштейн[2], не потрудился со всем этим ознакомиться. А

---

[2] Автор книги по истории СССР, француз, член ФКП.

поверхностность в таких делах со стороны коммуниста, даже если он не антисоветчик в душе, неизбежно, в силу окружения, в том числе буржуазно-литературного, «кремленологического», заводит таких вот коммунистов в антисоветскую компанию.

Крыть им в общем нечем было. Но проблема в другом. Ведь все эти аргументы действенны и уместны, если наличествует «коммунистическая совесть», т.е. искреннее желание нас знать и понимать, хотеть быть нашими друзьями.

Но то, что создавало когда-то международное коммунистическое движение, и что его поддерживало как единое целое – «сделать как в России», исчезло навсегда не только из объективной жизни, но и из сознания коммунистов, даже самых преданных нам. А тогда – зачем им нас знать? Только, чтоб отбиваться от буржуазной антисоветчины? Пожалуй. Но это – не жизненная потребность, так как они теперь твердо знают: «они пойдут своим путем», или вообще никаким. Эту дилемму очень остро и открыто поставил Берлингуэр: капитал очень хотел бы, чтобы мы пошли советским путем, ибо он теперь достаточно умен и силен, и понимает, что это для нас – самый верный путь к краху.

Около 6 вечера кончили. Венсан заключал так, чтобы «снять необходимость» говорить опять мне. Но я все-таки попросил слова. И еще раз «объяснял» минут 20.

Венсан пошел нас с Якухиным провожать до консульства. Я ему по дороге пытался рассказать про Ибаррури, о том, что она говорила в ЦК о Каррильо. Он заторопился отреагировать, что, мол, и ему она это давно говорила: опять то же – не хочет он «быть информирован от нас», не хочет ангажироваться, не хочет не только лезть, но даже знать о «чужих делах». Говорить же о чем попало он большой мастер.

Моросило. Венсан показывал Женеву. Устал, когда подошли к консульству. Я попросил машину, чтоб его отвезли домой. Но для своих 72-х он – живчик.

<u>30 апреля 77 г.</u>

Встречал сегодня Б.Н.'а во Внуково-2. Вернулся из Праги с совещания 75 компартий по журналу ПМС. В «правде» была его речь чуть ли не на подвал. Его тост на приеме у Гусака. Большие подборки выступлений других.

Словом, опять Б.Н. силовым приемом из ничего произвел заметное политическое событие, mini-международное комсовещание. С точки зрения реального влияния на МКД – нуль. Но с точки зрения символики, которой, собственно, оно и теплится, - кое-что. Буржуазная же пропаганда доделает дело, организуя большие комментарии, в которых наигранные страхи перед замыслами Москвы только усилят впечатление от «события».

В конце апреля было Политбюро. Обсуждался проект Конституции (вопрос выносится на Пленум 24 мая). Проект этот Б.Н. готовил года два, если не больше. Еще Красин этим занимался на Даче Горького. Теперь Б.Н. утвержден руководителем Рабочей группы по подготовке проекта. Он, должно быть, опять видит в этом свой звездный час…

Однако, за оставшиеся три недели почти невероятно, чтобы был подготовлен дельный проект. Я читал замечания членов ПБ, в том числе Леонида Ильича – их много, даже с вариантами параграфов (это уж помощнички постарались и, возможно, целые отделы…). Но даже то, что сказал Брежнев, - а у него наиболее политичные были замечания, свидетельствует, что работы еще очень много. И Б.Н. явно недооценивает это, хотя и понимает: сегодня прямо с аэродрома поехал в ЦК и собрал свою «команду», которая уже была наготове.

Судя по всему, все новации проекта уже полетели: например, право каждого выбирать себе национальность, независимо от «биологического» происхождения… Автономия университетов… права Советов народных депутатов. И т.п.

Б.Н. теперь выжмет все соки за эти две-три недели.

7 мая 77 г.

Первая майская рабочая неделя прошла сумбурно. И финишировала совсем удручающе. В четверг на ПБ состоялось обсуждение проблем МКД – «сопутствующее», «спонтанное», в связи с обсуждением итогов пражского совещания по ПМС и… неожиданно для меня – письма ЦК КПСС к КП Великобритании. Это письмо было написано мной (вместе с секторами) «по велению» Б.Н., еще до моей поездки в ФРГ. Его вдохновил «успех» письма к ФКП… Однако, уже на Секретариате Суслов высказал сомнения. И хотя не отверг, предложил повременить с отправлением («дату согласуем после»). Думаю, чтоб завалить его совсем, он и вынес письмо на Политбюро.

Брежнев сказал: Не зачастили ли мы с письмами к компартиям? Андропов придрался к трактовке слова «диссидент», мол, мы не диссидентов (инакомыслящих) сажаем и высылаем, а преступников. Суслов опять предложил «вновь рассмотреть дату»… А письмо-то в общем, в отличие от письма французам, вежливое. Там даже нет упреков (и намеков) в адрес руководства КПВ и лишь «легко» задета «Morning Star»…

Итак, казалось бы, одна линия (не ссориться! не задираться!). Очень хорошо. Я был бы последним, кто с этим не согласился бы. И возражал Б.Н.'у, доказывая, что не стоит «писать»… Однако, нарвался на выговор с упреком в либеральничании…

Но то, что потом произошло – совсем противоречит сказанному в связи с письмом КПВ.

Б.Н., собрав меня, Загладина и Брутенца, рассказывал об этом сумбурно и в очень расстроенных чувствах. Не называл, кто что говорил, за исключением двух. Кто начал, тоже непонятно. Но началось с обычного (как между случайными пассажирами троллейбуса): с этим еврокоммунизмом надо что-то делать! Что они себе позволяют!! А мы им платим, как ни в чем не бывало, деньги народные даем. Надо закрыть кассу, не давать им ничего. Пусть барахтаются. Да, да. Давно пора, - поддакнул Капитонов (но кому?).

Громыко вступил в дело: Тоже мне (!) – в правительство захотели! Да кто их туда пустит! Шутка что-ль.

Но, что ж нам теперь, - возразил ему кто-то, - мешать что ли им бороться за власть?!

Мало мы бьем их в своей печати. Не боремся фактически против этого ревизионизма и оппортунизма. Спускаем им все..

Да…- кажется, это был Суслов, - надо поручить разработать долговременную линию в отношении КП, подверженных еврокоммунизму.

На том и порешили. И никто не вспомнил, что такая линия давно была ими самими утверждена специальным решением ПБ от 8 сентября 76 года «По итогам Берлинской конференции»

Ну и что?

А вот что! Во-первых, конечно, обидно, что «не видна» вся наша (отдельская и пономаревская) работа – сколько сил, нервов, выдумки, сколько слов и бумаги, не говоря уж о рабочем и нерабочем времени, включая буквально бессонные ночи, – и все это, оказывается, «не видимые миру слезы».

Во-вторых, и самое печальное, что высшее наше руководство даже не знает, что у него есть «линия» в отношении еврокоммунизма. А уровень обсуждения этой проблематики, которой отдаешь «лучшие силы души», - и в самом деле не поднимается выше пикейных жилетов. А уж об уровне компетентности и понимания сути дела, того, что все это значит и к чему ведет, и говорить стыдно.

Впрочем, чего ждать и на что уповать, когда вчера 20 минут из 30 программы «Время» было посвящено встречам и переговорам на высшем уровне с абиссинским лидером (имени-то его даже специалисты не в состоянии выговорить). Все – и Брежнев, и Подгорный, и Косыгин и др. – все были им заняты три дня. Других более важных дел у нас нет!

Народ, конечно, привык. Но это ужасно, что Громыко вместе с «генералами» (Устиновым) подсовывает всякую ерунду. Главный уже не в состоянии, видимо, отбирать

важное от суеты, а соратники и даже помощники уже не осмеиваются сказать (или хотя бы намекнуть), что ерунда есть ерунда. Сама по себе, не говоря уже о морально-политических последствиях для авторитета власти и «лично»….

13 мая 77 г.

9 мая – день Победы. Как всегда ходили с моим фронтовым другом Колькой Варламовым по улицам. Людей с орденами в этот день от года к году все меньше. Потом зашли ко мне домой, посидели, повспоминали, похвастались друг перед другом, кое-кого осудили.

На работе после праздников усиленно объединял куски к докладу Б.Н. (в июне в Праге) – о «теоретическом вкладе КПСС» в марксизм-ленинизм за 60 лет. Сегодня перепечатано: 66 страниц, а надо – 40. Вся теория – из политических выводов, происхождение которых укрыто в недрах аппаратных групп всех времен. «Сумма суммарум», как выражается Б.Н.

Готовится разгромная рецензия на книгу Каррильо «Еврокоммунизм и государство».

А сегодня 10 минут по телевизору показывали, как Суслов, Пономарев и Загладин провожали Долорес на родину. М.А. по бумажке говорил прочувственные слова. Ибаррури без бумажки обещала бороться за дружбу между нашими партиями.

У Загладина встреча с Эгоном Баром, федеральным секретарем СДПГ, организатором «восточной политики», близким Брандту. Цепкий, циничный, бесцеремонный немецкий ум. Напрямую говорит, что хочет: чтоб не мешали СДПГ укрепляться, в частности, чтоб критиковали ее, тем самым выдавая ей сертификат антикоммунистической благонадежности. Еще раз я с удивлением убедился, что Вадим гораздо интереснее передает post-festum, что он (якобы) и как говорил подобным собеседникам, чем выглядит на деле. Он был скучен в беседе с Баром, уходил от откровенности, банален в шутках и «дружеских демонстрациях». Я счел нужным ввязаться, чтоб придать остроты и откровенности. Бар сначала смотрел на меня с видом: «Кто таков?» (меняя он видел впервые, а с Вадимом был знаком еще по встрече во время визита Брежнева в ФРГ). Но потом смотрел только мне в глаза и говорил будто только со мной. Я не досидел до конца: у меня было назначено совещание докладчиков по «еврокоммунизму», о чем я, прощаясь сообщил Бару. Он сразу отреагировал: «О, нас этот вопрос беспокоит так же, как и вас. Но теперь он сложней, чем в 1968 году. Это ведь то же самое, что Дубчек. Но вам уже не удастся с этим справиться так, как вы это проделали с Дубчеком. Увы!»

Сегодня 4 часа провел с кубинцами из международного отдела ЦК КП Кубы. Два негра, один креол. Умный и грамотный народ (речь шла в основном о Гайяне и о Карибских делах), и очень еще по революционному деятельный. Элемент геваризма еще весьма силен: явочное право на вмешательство везде и всюду, особенно – в «своей зоне».

15 мая 77 г.

Воскресенье. Был в музее Восточных культур на ул. Обуха. Там организована выставка: русские художники конца XIX - начала XX веков о Востоке. При первом взгляде сразу понимаешь, что это лишь предлог. На самом деле, чтоб показать Кузнецова, Лентулова, Машкова, Куприна, Гончарову, Волкова и др. Плюс к этому изумительная выдумка: рекламы (торговые, промышленные), афиши, ценники, объявления о балах, прейскуранты и т.п. начала XX века, когда в это дело вторглись художники «Мира божия». Насладился необычайно. Это потрясающе и неожиданно.

16 мая 77 г.

День прошел скверно. Начал было совершенствовать пономаревский доклад. Потом пошли шифровки и проч. бумажки. Позвонил Загладин: он, наконец, сподобился поработать над запиской по «еврокоммунизму», вернул мне на досмотр. Но этого я уже не успел сделать, так как пришли из братского отдела просить поехать на обед с кубинцами, которые отложили свой отъезд на завтра.

Этот сугубо политический обед (революционеры, да еще бывшие кубинские чекисты – ни о чем другом говорить не могут) продолжался около трех часов. С коньяком.

Закончил «Хранители мудрости» Чарльза Сноу. Могучая британская проза, но уже с большей мудростью, чем у Голсуорси, потому что страна стала усталой и печальной.

21 мая 77 г.

Книга С. Каррильо «Еврокоммунизм и государство». Смесь Берлингуэра и Гароди, кое-что от себя. Но в анализе он почти всюду, кажется, прав. Решающие орудия сохранения капитализма – идеологический аппарат и армия. Проникновение в них (через сложный процесс демократизации всей жизни страны) и привлечение их на сторону антикапиталистических сил – условие преодоления капитализма. Безумие – рассчитывать на победу социализма (пусть «демократического»), имея против себя армию. Иначе – надо ориентироваться на кризис и крах армии, которые возможны либо в результате колониальной войны (как в Португалии), но с колониями уже покончено, либо в результате любой другой войны, которая в Европе означает мировую, т.е. конец всякой политики и всякой цивилизации вообще.

Словом, Каррильо – это Каутский нашего времени. Он так же против КПСС (нынешнего руководства), как тот – против Ленина.

Он, конечно, вполне мог бы обойтись без точек над «i» - без обозначения своих рассуждений о «еврокоммунизме», без оскорбительных намеков и прямых оценок в адрес КПСС, без пренебрежения ко всему тому, что сделано в СССР после Ленина.

Книга на 95 % посвящена стратегии революции в условиях Западной Европы, проблемам, которые там живо волнуют каждого коммуниста. И не каждый из них с ходу заметит антисоветские прожилки в тексте, тем более, что в такой не прямой форме это сейчас стало привычным на Западе.

Поэтому наше выступление против книги, хотя оно и направлено на «разоблачение» антисоветского и раскольнического (в МКД) аспекта книги (что оговорено прямо), будет воспринято как идеологическое осуждение теоретических, стратегических и тактических поисков западноевропейских коммунистов, как догматическое, гегемонистское намерение подстричь всю их линию под краткокурсный ранжир.

Статья такая подготовлена по поручению ПБ. Сделана в секторе Зуева под руководством Загладина. Вчера замы обсуждали ее у Б.Н.'а. Меня удивила его озабоченность, как бы статью не восприняли именно в вышеупомянутом смысле. Мы потом с Вадимом, воспользовавшись этим, кое-что поправили.

Шапошников высказал законную, но уже опоздавшую мысль (после того, как я изложил свои сомнения на основе знакомства с самой книгой, а не с референтом, подготовленным в КГБ, где просто надерганы, обнажены антисоветские штучки), - мол, может быть, не по поводу книги выступать, а в связи с интервью Каррильо, где его антисоветизм откровеннее и виднее, и не прикрыт потребностями реалистической борьбы за социализм в Западной Европе?!

Б.Н. замахал руками: «вопрос, мол, обсуждался члены ПБ возмущены, говорят – до каких пор терпеть» и т.д.

Кстати, почему КГБ, а не мы (международный Отдел ЦК) докладываем Политбюро таких вещах?..

Записку (как велено было – о нашей долговременной линии в МКД) мы вчера с Загладиным сдали Б.Н. Сколько она у него пролежит? И пойдет ли дальше?

То же о записке по социал-демократии. Представили ему свой отчет о беседе с Э. Баром… Видимо, тоже не разошлет по ПБ. Побоится.

Сдал я ему и первый вариант его доклада в Праге: «О теоретическом вкладе КПСС в марксизм-ленинизм за 60 лет». Этот будет долго у него лежать.

Впрочем, в эти дни все его заботы – о Конституции, на самом деле о том, что Загладин вчера обозначил без слов, проводя руками по своим плечам, т.е. о «погонах», - будет или не будет членом ПБ на открывающемся 24 мая Пленуме…

22 мая 77 г.

Попробовал вечером почитать проект Конституции: он разослан членам Пленума с сопроводительным факсимиле Брежнева и просьбой сообщить о замечаниях в Секретариат ЦК. В пятницу Загладин сказал, что он уже это сделал – послал Черненко 26 предложений. Я этого делать не буду: не лояльно по отношению к Пономареву.

Я углубился в текст. Все, что там есть формально ценного, было и в сталинской. Переписано. Новое – «о свободах», «правах человека», даже «о праве выезда» и селиться где угодно в СССР – это дань нынешней кампании на Западе, попытка обмануть. На самом деле подобные вещи только осложняют дело. Не честнее ли было бы сказать: вот мы такие, такими будем и не ждите, что мы введем у себя всякие там западные свободы?

Попытка характеризовать «развитой социализм» (это, собственно, оправдание, почему нужна новая Конституция) – сделана весьма неквалифицированно, литературно беспомощно, местами просто дешево. Вообще вся преамбула вызывает отвращение: пустая болтовня людей, которые разучились писать нормальным языком, понятным обыкновенным людям, и нечестно все это… Достаточно сопоставить с «13 страницей» «Литературки» за 18 мая (она специально теперь посвящается службе быта), чтобы увидеть, насколько эта преамбула не имеет никакого соприкосновения с реалиями.

Когда мы (замы) обсуждали у Б.Н.'а статью против Каррильо, позвонил Брежнев. Б.Н. долго с ним разговаривал по телефону. Речь шла о конфликте между Сомали и Эфиопией (два «марксистско-ленинских режима», оба – величайшие друзья СССР!). Брежнев был расстроен, спрашивал – принимать ему или нет кого-то из их послов. Б.Н. отсоветовал ему лично «лезть в эту кашу».

А я думал о другом. Перед глазами телеизображения Брежнева последнего времени, его приемы разных деятелей. У него, судя по его виду, осталось очень мало сил. И вряд ли он в состоянии вникать в суть каких-либо событий и проблем. Он видит свою роль (влияющую на ход дел) в том, чтобы «принять или не принять» такого-то. Остальное делают mass media и прочие адъютанты. Важно не содержание встречи, а сам ее факт. Но не слишком ли велика при этом становится роль Громыко и помощников, которые фактически определяют и кого принять, и что сказать!?

24 мая 77 г.

Пленум ЦК. Брежнев бодрый и подтянутый. Доклад его о проекте Конституции был деловой и ясный, без литературно-бовинских красот. Первые аплодисменты (по тексту) – в ответ на следующее: «После Конституции 1936 года, все мы знаем, были допущены репрессии, нарушения законности, принципов ленинской демократии – вопреки только принятой Конституции. Партия осудила все это и это никогда не должно повториться».

Прения. Первый выступил молодой и бойкий секретарь Донецкого обкома – предложил объединить посты Генсека и Председателя президиума Верховного Совета, и вручить оба их Брежневу. Все другие, естественно, - восемь выступавших (по заранее написанному тексту) поддержали и «развили». Особенно четко и просто, как он всегда это

делает, говорил на эту тему Щербицкий. А один из ташкентских секретарей, показавшийся всем глуповатым и примитивным, добавил: … «и освободить тов. Подгорного от поста»… Зал зашумел. Всем показалось это излишней грубостью, поскольку и так все ясно. Но, оказалось, и это было нужно (и запланировано) – чтоб сформулировать постановление Пленума.

Подгорный сидел багровый, жалкий, хлопал вместе по своим похоронам.

Суслов, председательствовавший, зачитывает проект постановления. Сначала – о назначении Брежнева Председателем президиума. Овации и проч. Потом – об освобождении Подгорного от этой должности и… (опять неожиданность)… от членства в ПБ. Происходит неприятная сцена: Подгорный начинает собирать свои бумажки, стоя что-то говорит Суслову. Тот делает пренебрежительный жест и говорит (микрофон-то под носом!): посиди, мол, еще здесь, ничего, мол!

Потом голосование. Проект становится постановлением. Подгорный опять приподнимается и что-то лепечет Суслову. Тот, будто понял так, что Подгорный совсем хочет уйти из зала, сначала делает отрицательный жест, а потом указывает рукой вниз: мол, иди туда, где все сидят.

Сцена: Брежнев спускается к трибуне, чтоб поблагодарить, за ним спускается в зал Подгорный и садится, по иронии судьбы, рядом с Катушевым (которого через несколько минут тоже освободили от секретаря ЦК). Брежнев говорит, что будет честно служить партии… и ни слова о Подгорном.

Я понимаю, все понимают: бывший наш «президент» – человек ничтожный и случайный, ничего он не сделал и не мог, хотя и бурчал против возвышения Брежнева, не потому, впрочем, что был такой принципиальный, а просто хотел быть хотя бы одним из трех, чтоб и ему что-то отваливалось от славы.

Но есть законы элементарной человечности. Есть морально-политическая сторона: авторитет этой и всякой другой должности. Ведь если «президента» так в одну секунду шмякают, причем без малейшего объяснения причин (хотя бы «по болезни»), то и любая другая должность становится зыбкой – функцией личной верховной симпатии или антипатии. Сегодня ты очень кто, а завтра ты совсем никто. Вот где наша великая и могучая российская демократия – еще от Ивана Грозного, окончательно закрепленная Петром. Перед ним, как перед Богом, все равны: маршалы, министры, зам. завы, секретари и проч., и проч.

Поэтому и Б.Н.'у опять ничего не отвалилось. Хотя все, начиная с Брежнева, хвалили проект Конституции. Пономарев, конечно, помянут не был. Да и за пределами аппарата вряд ли знают, что он тут «главная сила» и суетился больше всех.

А по совести-то если, пора бы уж: заслужил и выслужил в полном смысле слова.

Суслов сделал сообщение о Гимне, перечислил больше дюжины поэтов и столько же композиторов, которые больше 10 лет трудились и консультировали. Сказал и о том, что устарело: «нас вырастил Сталин, на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил»; о немецких захватчиках, и о том. Что мы в боях отвоюем свободу для всех (что-то в этом роде, не помню уж, и что, по словам Суслова, сейчас может быть «неправильно» истолковано).

Стоя прослушали пленку: хор и оркестр сыграли и спели. Более торжественно-церковно-напевная **та же** мелодия.

За 4 часа работы столько дел, которые войдут в историю!

28 мая 77 г.

Неделя дня рожденья. 56 лет! Поочередно все отдельские поздравляли, один виски, другой виски и… Б.Н. подозрительно поздравил.

Вечером, как раз партсобрание с докладом Вадима об итогах Праги-1 и о Пленуме. Он его провел в легком ясном стиле, будучи на некотором взводе.

Пономарев отказался встречаться с Чейтером (член ПБ КПВ, редактор «Morning Star»). Я отмечал уже, что Б.Н. еще в апреле задумал послать письмо руководству КПВ по типу французского. Но наше ПБ отнеслось к этому сдержанно. Приняло «в принципе», но

срок, мол, определим потом. Я предложил воспользоваться приездом Чейтера (по приглашению «Правды»), поговорить с ним, изложить ему суть письма (не раскрывая намерений) и посмотреть, что будет дальше. Мой тайный замысел состоял в том, чтобы таким способом «замотать» письмо вообще. Чейтер 10 дней ездил по Узбекистану и Армении, вчера вернулся в Москву и Б.Н. (вместе со мной по решению ЦК) должен был его принять. Но он отказался, предложив проделать всю эту операцию нам с Афанасьевым (главным редактором «Правды»).

У Б.Н.'а сейчас очередной «спад» на тему: работаешь, работаешь, себя не жалеешь, а тут – не только не делают членом ПБ, но даже слова нигде не сказали, что это, мол, все трудами Пономарева – с Конституцией-то!! Словом, у него минутное – а пошло всё к е… матери! Это бывало уже десятки раз и еще будет не раз до конца его политической карьеры.

Ну так вот. Принимали мы с Афанасьевым (плюс Джавад, Лагутин, Овчинников) Чейтера в редакции «Правды». Бывший профессор биохимии в Лидсском университете, типичный либерально-интеллигентный англичанин. Афанасьев (при всем том, что он автор десятка книг, профессор, доктор наук, член-корр, журналист, редактор 11 миллионной газеты и проч.) – примитивен и неотесан. Ему не хватает не только европейской культуры, но и политического чутья (что непростительно). Б.Н. тоже видит смысл таких бесед в «нажиме», в оказании давления и т.п., но его огромный опыт и природный ум позволяют ему, как правило, нажимать на педали в нужное время и на те, на которые в данный момент надо нажимать. А Афанасьев (в который раз я уже в этом убеждаюсь) не годится в международные (по крайней мере) политики. Он умудрился «походя» затронуть «чехословацкий вопрос», спровоцировать целую лекцию Чейтера о том, что парламентская борьба тоже классовая, вызвать очень опасную в таких ситуациях обиду: тот вынужден был давать отпор по поводу «обвинений в антисоветизме».

Я не чаял, когда нашему редактору надо будет уйти на часок на редколлегию. Но вмешался в дело раньше. Чейтер почувствовал (мы с ним раньше не были знакомы), что перед ним человек, знающий, как надо обращаться с «еврокоммунистами». Я ему навязывал все то же, что и Афанасьев, но с указанием на такие факты (из их собственной практики), что он стал теряться и лепетать. Он не рассчитывал, что мы до мелочей знаем все, что и как они проделывают в отношении «прав человека в СССР». Но я не загонял его в угол… и «помогал» ему оправиться, выходя на широкие классовые обобщения и на то, что раз вы требуете от нас признания и понимания вашей специфики и ваших трудностей, - извольте отвечать нам взаимностью.

И еще я ставил его в тупик тем, что нас тоже надо брать такими, какие мы есть, а не пытаться преобразовывать нас в «открытое общество», что безнадежно.

Потом поехали в Дом журналиста на ужин. Тосты и застолье. Словом, мы Чейтеру дали понять, что все гораздо сложнее, и мы не такие уж простачки и не те, какими нас можно представить со слов Буковского и Плюща.

Ужин был в подлинном смысле дружеский, откровенный, веселый, самокритичный (с нашей стороны: чего Чейтер никак не ожидал – острых и критических оценок наших собственных дел!).

Мне показалось, что он уехал, поколебавшись в «еврокоммунизме» (в антисоветской его части). Во всяком случае пищи для размышлений вместе с Макленнаном, Уоддисом и К^{o} ему хватит.

31 мая 77 г.

Сегодня написал по просьбе Б.Н. речь для Суслова на основе решения Пленума ЦК об инаугурации Леонида Ильича в качестве Председателя президиума Верховного Совета. Т.е. Б.Н. хочет и здесь подсуетиться. Написал красиво, но Б.Н., конечно, правил в своем стиле.

Возня с подготовкой материалов для встреч с Гэс Холлом, самым капризным и самонадеянным из лидеров КП (смешно смотреть). Но Брежнев его всегда соглашается принимать «без звука»…

В воскресенье в «Правде» статья: «Черная магия на Таганке» – о «Мастере и Маргарите». Интеллигентный, даже элегантный, с комплиментами, но разгром. Очень точно отмечены и политический замысел Любимова, и его вульгарность, и его талант, и все прочее.

5 июня 77 г.

Вчера с Пономаревым встречали Гэс Холла. Сегодня на Воробьевых горах я четыре с лишним часа рассказывал ему про «еврокоммунизм». Так условились: я просвещу его во всех подробностях, потом он будет разговаривать в ЦК с Сусловым и Б.Н., потом выведут на Брежнева.

Интересно, в одну ли дуду эти три «контакта» будут дуть с точки зрения интерпретации нашей линии и линии, которую мы хотели бы от него.

Опубликован проект Конституции. Бовин, хоть и назвал мои замечания фигней, однако на 75 % их учел. Не другие же на них настаивали. Тем более, что он, наверняка, подмял под себя всю команду, как это бывает всегда. Впрочем, может быть, мои замечания совпали с другими, более весомыми.

11июня 77 г.

Состоялись встречи Суслов-Пономарев с Гэс Холлом и Брежнев-Гэс Холл. На первой я был. Заранее Брежнев сказал Б.Н.'у, что он будет говорить только о Картере и вокруг. «А все остальное там – Марше и проч. ваши дела обсуждайте без меня». Я Гэса предупредил об этом. И все было выдержано…

Накануне вечером Б.Н. раздраженно мне говорит: «Брежнев не доволен памяткой. Мол, почему она так составлена: по этому вопросу можно было бы сказать…, в ответ на это можно было сообщить…(т.е. составлена по нашему «классическому образцу»). Надо прямо – так, как я буду говорить». Мои возражения: мол, Мостовец, зав. сектором, получил в прошлый раз (в 1974 году!) втык от Александрова, когда попытался сделать именно так – в прямой речи. «Что это вы за Брежнева – я, я, я? Что он – не знает как сказать?» На это Б.Н. мне резонно заявил, что «это было когда!»… и у меня бы спросили, а не у Мостовца.

Откровенно говоря, я тоже был сначала недоволен этой формой, и сказал Мостовцу, что по моему собственному опыту нужна прямая речь. Но он убедил меня – не надо-де нарываться еще раз на Александрова – пусть сам переделает…

Б.Н. говорит: сейчас там «сложное положение» и вообще знаете…, т.е. давал понять, что Брежнев опять в такой форме, что сможет лишь прочитать написанное большими буквами.

Я сел и переписал все в прямой речи, подлаживаясь под Александровский «живой» стиль. Кроме того, вставил по его настоянию резкую оценку, только что появившегося доклада Картера комиссии Конгресса о выполнении (Советским Союзом) Хельсинских соглашений. Александров назвал доклад «хамским». Я это вписал в памятку, а Брежнев произнес.

У Суслова. М.А. долго приветствовал Холла, как-то нервически все время подхихикивая (это у него появилось несколько лет назад, особенно, когда он в хорошем настроении). Потом стал говорить (без бумажки). В общем – схематично изложил примерно ту же концепцию, с которой я подробно ознакомил Г. Холла на Воробьевых горах. Речь шла почти исключительно о еврокоммунизме. Встрял Б.Н. и тоже произнес двадцатиминутную речь – с нажимом против ревизионизма и как мы боремся против именно реформистского уклона. Характерно, что Суслов дважды прерывал Б.Н.'а, подчеркивая, что «путь борьбы, путь к социализму они (т.е. КП западных стран) пусть выбирают сами. Это их дело. Мы в это не хотим вмешиваться, мы с ними по-товарищески дискуссируем». Второй раз он прервал

Б.Н.'а, напомнив, что и во время беседы их двоих с Плиссонье «я ему сказал, что мы, т.е. КПСС, еще на XX съезде оговорили, что мы за мирный, в том числе парламентский путь».

А Б.Н. все рвется учить и наставлять, хотя в практической политике он все-таки больше руководствуется здравым смыслом и призывает выступать пока лишь только против антисоветских аспектов еврокоммунизма.

Гэс Холл (он потом меня, когда выходили из ЦК шутливо поблагодарил за «подготовку» к этой беседе) выражал полное согласие с «взвешенной» линией КПСС, говорил, что КП США должна действовать «в унисон», а не по-партизански в МКД. Хотя, судя по его докладу на Пленуме ЦК в начале июня (который нам показал Моррис) – там он держался несколько иной позиции: открыто громить в защиту КПСС.

Проговорили несколько больше двух часов, а в пять уже надо было быть у Брежнева.

Суслов, когда я с ним стал прощаться, спросил: «А разве я не буду там»… Я сказал: «А зачем? Много народу…, вот будет Михайлов, референт, с языком».

Он отреагировал неопределенно. А Б.Н. потом приглашал (с согласия Суслова), но так, будто выпрашивал меня отказаться. Что я и сделал. И правильно. Как потом выяснилось, Брежнев даже Александрова не пригласил… И пришлось бы мне, потоптавшись в коридоре, уйти восвояси.

Как рассказали потом Б.Н. и Михайлов, все было как по нотам. Л.И. зачитал в два приема чуть подправленную Александровым памятку, дав в середине слово Холлу. Тот был ясен и краток: Картер скоро обломает зубы и займет более реалистическую позицию.

Большое фото в «Правде» и во «Времени» по телевидению… Объятья и проч. Коммюнике тоже прошло так, как мы его заготовили. Откликов я еще не видел.

12 июня 77 г.

Сегодня опубликован Гимн СССР и ответ ЦК КПСС на Открытое письмо КПЯ по Курильским островам. Глупое, бесперспективное – ни у кого, кроме шовинистов, не могущее вызвать симпатии. Работа Ульяновского и Коваленко прет из каждой строки, грубая сапожная работа.

Брутенц ездил в Мексику на съезд партии. КП там тоже выходит на «свой путь» - латиноамериканский еврокоммунизм. Проездом он был несколько дней в Вашингтоне и Нью-Йорке. Виделся и в Мексике, и в США со многими журналистами и дипломатами от «соседей» (резиденты КГБ). Общее впечатление от разговоров с ними – они, наши люди за границей, живут в атмосфере, где «нас не любят!» «Не любят, Толя! Все – от крайне левых, до крайне правых»… Наши некоторые прямо говорят об этом постоянном ощущении, которое возникает и из повседневных мелочей, и из более осознанных политических наблюдений.

Впрочем, что там говорить! Это все больше чувствуется и в Европе, и в странах социализма. Увы! Причин тут много…

Но очень неприятно было это слышать из уст «очевидца», хотя понятно, для меня в этом нет ничего неожиданного.

А когда я ему рассказал, как проходил Пленум и как удаляли Подгорного, он по-армянски распалился и театральным шепотом стал мне повторять через стол: «Толя! Идет распад! Всеобщий распад! Который - во всем, и в большом, и в малом! Наступает маразм, как серое беспросветное облако».

И это тоже мне было неприятно слышать. Потом я поймал себя на том, что это потому, что такое мне, великороссу, говорит инородец. Туда же, мол, со своими приговорами!

13 июня 77 г.

Только что перечитал «Хостомера» - Товстоногов привез премьеру. Театралы льют слюни. Так что я «подготовился» посмотреть. У Льва Николаевича – это мощно и с тройным подтекстом. Жутковато.

В ЦК был организован выезд на военные учения в Таманскую, образцово-показательную дивизию, в Алабино. Стрелял из автомата и пистолета. Сопровождающий офицер сказал, что «по автомату» у меня «около отлично»: из коротких очередей (всего 20 патронов) два раза мишени не упали. Из пистолета мой результат, кажется, лучший, - 26 из 30 возможных (25 считается «отлично»). Приятно было «тряхнуть стариной».

18 июня 77 г.

Неделя «эйфории» возведения в должность Председателя президиума Верховного Совета. Сессия Верховного Совета – сплошные овации и вставания. Речь Суслова… (в ней остались две полуфразы от моего вклада). Брежнев – благодарственное слово: «воля родины, воля партии, … хотя и трудно».

Брутенц – истерика в моей «темной комнатке» рядом с кабинетом: сколько можно так грубо и пошло насмехаться над великим народом, показывать ему спектакли, которые даже в полудиких латиноамериканских странах считают теперь неприличными. И т.п. Я хохотал. Что делать?!

А вчера весь вечер показывали по телевизору первое заседание президиума Верховного Совета СССР под новым председательствованием. Мучительное «зачитывание» написанного крупными буквами, без понимания произносимого, разреженного многосекундными паузами между словами одной фразы, несбалансированные акценты, жалкие попытки придать интонацию с указующими жестами невпопад...

Члены президиума сидят и как школьники записывают каждое слово, зная, что это все завтра можно будет прочесть во всех газетах в литературно преобразованном виде.

Под конец чтец-оратор совсем стал заплетаться. Кончил - как воз на гору втянул.

Стали выступать украинский, литовский и другие члены, воздавая хвалу и вызывая бурные аплодисменты... И это - заседание работающего (!) высшего органа! Не массовое представление, каким являются сами сессии Верховного Совета, к чему все давно привыкли.

Неужели даже элементарный здравый смысл уже исчезает там наверху?! - обсуждали мы виденное с консультантами. Неужели само чувство самоуважения (самосохранения) не подсказывает, что закрытость таких органов, как пленум ЦК, заседание Совмина, президиума Верховного Совета, позволяют удерживать в головах народа хотя бы мифологию власти? Пусть, мол, они там думают, что хоть тут-то идет деловой разговор, а не треп и аллилуйя! Неужели даже этого уже не понимают? Неужели КГБ не может доложить, что по стране идет гомерический хохот и стынет полное безразличие ко всем этим театральным зрелищам, которые заменяют реальное управление и демонстрируют полное бессилие главного действующего лица.

А, может, циничный и хамоватый Лапин и его телевизионщики сознательно выставляют его на посмешище? Ведь только неплохой режиссер мог такое придумать: закончил Брежнев говорить, заговорили другие. А он сидит с отсутствующим лицом, явно ничего не слушая и, видимо, силясь только справится с тяжестью, которая навалилась в результате непосильного напряжения. Временами бессмысленно оглядывается на подносящих бумажки, что-то произносит (нечленораздельный звук слышен, - он не догадался выключить свой микрофон, а другие не осмеливаются подсказать). Ему дают «текстовочки», он их произносит в «нужном» (отмеченном) месте, потом «заключает» прения по позавчера еще написанной помощниками бумажке.

И все это перед глазами изумленного и махнувшего на все рукой великого народа!

Генсек-президент в состоянии теперь воспринимать лишь значительность самого факта своего выступления или появления где-то, своей беседы или встречи с кем бы то ни было, а не содержание этих государственных акций. То же касалось и партийно-государственных бумаг, под которыми он уже сам не расписывался: Черненко имел монопольное право ставить факсимиле.

Содержание бесед Брежнева, а также кого и когда он примет, определялось всесильными членами Политбюро - Сусловым, Устиновым, Андроповым, Громыко и помощниками, главным образом Александровым.

Брежневу предстояло вскоре после «возведения в сан» ехать во Францию... Неужели рассчитывают, что французы не увидят, что перед ними уже «чучело орла» [3] (так удачно в свое время Давид Самойлов назвал Константина Федина в его роли руководителя Союза писателей)?!

В четверг и пятницу ходил на Товстоногова. Американская пьеса: «Влияние гамма лучей на бледно-желтые ноготки» и «Фантазии Фортаянова» (некоей Соколовой) с участием Юрского. Потрясающая игра актеров. Подобного впечатления от игры не помню со времен довоенного МХАТ'а.

И получилось так, что подряд смотрел две пьесы (из американской и советской жизни), в которых и ситуации, и проблематика, и даже расстановка персонажей (мать с двумя дочерьми) аналогичны. И можно видеть (особенно при совершенстве формы), какая огромная разница в уровне духовности между двумя народами, между двумя обществами и странами. Великая и неповторимая наша страна и потрясающе обильна она талантами.

Кстати, Товстоногов демонстрирует жизнеспособность классического театра. Ему не нужны любимовские подпорки в виде звуков, хорошей музыки, шума, балагана, хулиганствующих реплик и приемчиков, бьющих на сенсацию дешевой политической смелости (вот, мол, я какой, не боюсь министерства культуры и всякого прочего начальства!).

<u>20 июня 77 г.</u>

Эйфория продолжается. Телевизор – отлет в Париж, прилет в Париж. Поцелуи во Внуково – с одними да, с другими рангом ниже, нет. А одно время они начали было выходить из практики протокола…

Загладин все время мелькает на втором плане, наряду с Александровым и Блатовым. На обывателя – изящный, уверенный, раскованный Жискар и напряженный, настороженный наш. Маска старого измотанного человека, которому очень тяжело нести бремя и который, будто ждет не дождется, чтобы скорей попасть в замок Рамбуйе и укрыться в отведенных покоях.

Жискар говорит нахально, в де-голлевском стиле парадные банальности, но и со всем тем политическим смыслом, который ему нужен. Наш стоит и, кажется, ничего не смыслит. Потому, что ему сейчас самому говорить… без бумажки! Начал путаться, ни одной правильной фразы, шутка о парижанках звучит нелепо, она просто не получилась – что-то выпало. Политического смысла, кроме того, что «предстоит поработать вопросы»… - не улавливает наш несчастный телезритель. Впрочем, в газете все будет в ажуре, т.е. – и в официальном тексте.

А я вчера провожал утром Гэс Холла. До этого – весь вечер субботы – на Воробьевых горах в особняке – беседы и тосты. Выжимал я из себя все возможное, чтоб сгладить впечатление, что после встречи наверху он, Гэс Холл, стал у нас никому не нужен. Б.Н., действительно, прихворнув, отказался даже проводить его. Не позвонил ни разу по возвращении из Риги. Да что там! У меня ни разу не спросил: как, мол, там дела. И вот я отдувался, спасая наш интернационалистский престиж: рассказал ему, как ответил Ж. Марше на предложение Брежнева встретиться в Париже, чтобы «обменяться информацией об итогах переговоров с Жискар д'Эстеном»

---

[3] Так и произошло: «Монд» напечатала просочившиеся впечатления Жискар д'Эстена (которые совпали с впечатлениями Вэнса, видевшегося незадолго до этого с Брежневым в Москве): Генеральный секретарь «incapable» и «decline» (т.е. «недееспособный» и «в упадке»).

Канапа ответил через посла: Политбюро обсудило и пришло к выводу, что встреча нецелесообразна. Причины:

1. Вы, КПСС, пытались расколоть нашу партию, направив нам письмо. Пытались свергнуть нынешнее руководство ФКП.
2. Вы грубо вмешались в наши внутренние дела, направив нам свое мнение перед майским Пленумом, на котором мы определили свою позицию в отношении ядерного оружия Франции.
3. Ваши товарищи из ЦК ведут в братских партиях подрывную работу против ФКП. (По этому поводу Б.Н. хитро спросил у Загладина: не вас ли с Черняевым тут имеют в виду – ваши поездки в Италию, Бельгию, Швейцарию, ФРГ?). На что Загладин ответствовал: что касается меня, то я именно и веду подрывную работу!

Всякие другие вещи рассказал я Гэс Холлу. Лестные – выдумывал (от имени Суслова) высокие оценки значения его приезда для советско-американских отношений, для МКД. Получилось ловко и сдержанно. Было (тогда) даже приятно. А теперь – противно.

Брутенц сегодня сказал о проблеме отмирания надобности в Международном отделе ЦК! Действительно, при таком-то отношении к «нашему делу»…

К. Симонов – двухтомный военный дневник. То, из-за чего при Твардовском Демичев пустил под нож два номера «Нового мира», но я успел прочитать сигнальный экземпляр. Сильные там были вещи. Остались ли?

25 июня 77 г.

50-летие Загладина. Орден Ленина. Впрочем, если уж Героев раздают кому попало, то он этот орден заслужил. Б.Н. завистливо недоволен. Бурчал мне один на один, хотя и сказал: «Это же мы сами так представили». Осудил слишком уж хвалебный и восторженный адрес. Спрашивал, кто писал. Я не мог ответить, так как сам не знал.

В день юбилея Б.Н. собрал у себя треть Отдела и, очень выбирая слова, поздравлял Вадима. А тот «в ответ» его растрогал, сказав, что он, у которого уже умерли родители, питает к Б.Н.'у сыновние чувства и считает его своим учителем.

Другие речи сочтено было неуместным произносить в кабинете Пономарева. Переместились в кабинет Загладина. Там я экспромтом сказал «красивую» речь, хотя меня никто не просил. Вечером хотели устроить попойку тут же в кабинете, но я предложил свою квартиру, Вадим согласился. Думаю теперь, насколько я был искренен в своих красивых и оригинальных речах? Я считаю, что ни на один процент не кривил душой. Во всех трех ипостасях Загладина, на которые его «разложил» в своем тосте Александров, он заслуживает уважения: как уже заметный политический деятель, как писарь при Главштабе, т.е. при Генеральном, где реально формируется политика, и как частный человек. На нашем элитно-политическом горизонте Загладин незаурядная фигура. И кроме того, у меня и личная симпатия к нему. Мне в нем больше не нравится его отношение к людям, его неразборчивость в этих отношениях, а не он сам. Хотя я, например, не хотел бы быть на него похожим ни в чем, за исключением одного – составлять за полчаса приличные доклады для любой аудитории.

2 июля 77 г.

С 27 июня по 1 июля был в Праге. На теоретической конференции, где Б.Н. читал наше «Некоторые вопросы теоретической работы КПСС за 60 лет». 67 компартий, 10 партий из «третьего мира». Выступило 67 делегаций.

Поглощенный текучкой, человек «изнутри» может ничего и не заметить: собираются, говорят тысячу раз сказанное. Реальная жизнь присутствует (далеко не у всех) в виде информации о своей стране.

Но стоит чуть-чуть вдуматься в характер спектакля, чтоб увидеть ничтожность его сути. Ведь сборища эти устраиваются, чтоб самим фактом показать, что МКД, как явление международное еще существует. Но уже самим этим они, эти сборища, обречены быть оборонительными мероприятиями против тех, кто думает, что МКД мешает деятельности партий у себя дома, и против тех, кому просто надоела эта затянувшаяся игра в «большую силу».

Один итальянец (автор «Истории ИКП») пытался оригинальничать – критически и творчески подойти к советскому опыту. Но, во-первых, оригинальности никакой нет, так как все, что он (и вся ИКП – «еврокоммунисты») говорит по этому поводу – многократно забываемые и вновь возрождавшиеся «идеи» Каутского-Троцкого, первых «диссидентов» типа Ф. Раскольникова, антисоветчиков 30-50-60-70-х годов. А, во-вторых, поскольку все понимали, что участвуют в игре, неприятно и оскорбительно показалось, когда один стал выпендриваться и делать вид, что он в этом не хочет-де участвовать.

На 70 % - треп, причем школярский, особенно со стороны деятелей, которые недавно прошли Ленинскую школу в Москве и очень давно не бывали в своих странах. Но были – чисто интеллектуально – и любопытные яркие ходы мысли.

Главное же – кроме упомянутой идеологической демонстрации – никому это ничего не может дать, с точки зрения продвижения хотя бы на шаг реальной политики коммунистов.

Прага в основных своих «исторических» и знакомых чертах почти не изменилась. Только вся перерыта из-за метро, которое строится много лет. Но не только из-за метро, а из-за необходимости восстановить жилой фонд, сохранив традиционный вид улиц… Однако, пражане все равно валят все на Советский Союз, которому, видите ли, «понадобилось строить метро у нас»…

В редакции ПМС из советских почти не осталось знакомых, а из чехов – много тех, кто 20 лет назад туда пришли, и выглядят, будто время остановилось…

Зародов (шеф-редактор) успешно суетится, но в силу «логики» то и дело оказывается не в ладу с пономаревской тактикой: например, пригласил египетских коммунистов, а Б.Н. запретил ему давать им слово, так как Брежнев недавно принимал Фахми…

Биляк (член президиума ЦК КПЧ). Несколько раз появлялся на нашей «вилле», показывая близость вообще и Пономареву. Даже свозил нас за город – в Ботанический сад и ресторан, где до часу ночи пел словацкие песни, танцевал и рассказывал рискованные анекдоты. Даже Б.Н. удивился: «Не ожидал, говорит, что он может быть такой»… Этот угрюмый и злобный даже на вид человек. Наверху у нас его очень любят, но по моему и по мнению Зародова, это большая сволочь, нас он «любит» только, чтоб держаться на плаву и пролезть в «первые».

Сам вечер в этом ресторане. Дуэты Пономарева-Биляка. Умора. Ощущение безысходной и непреодолимой, давящей пошлости и бестактности.

Во время проводов Богуш (зав. сектором соцстран) поведал нам о трех проблемах, которые подтачивают сейчас Чехословакию.

1. Раскол в рабочем классе. Рабочие заводов честно вкалывают свои 7 часов. Но по численности их давно превзошли рабочие сферы обслуживания. Здесь – коррупция, воровство, шельмование, открытый обман и работа налево. Получают в результате минимум в 1.5-2 раза больше, чем заводские, а многие – во много раз больше. Все всё видят. Заводские пишут и говорят: давайте обсудим это, мы не за то, чтобы в газетах полоскали эту проблему на весь мир, но давайте по-партийному, между собой. Нельзя ж ведь так… Реакции никакой.

2. Национальный вопрос. Словаки совсем обнаглели. Они теперь и богаче и благополучнее, и все ключевые места в Республике, в Праге – у них. Мы, чехи, за то, чтобы словаки были в центральных органах. Но мы против того, чтобы словацкие деятели имели по две квартиры – в Праге и в Братиславе. Приезжали сюда на два дня, отдавали распоряжения и возвращались домой. Это тоже все видят и «ненавидят»!

3. Молодежь. За 10 лет после 1968 года было 10 выпусков школ и 10 выпусков вузов. Учили их выпуски «люди 1968 года». Мы их тогда не могли выгнать, потому что это

означало бы – закрыть школы и университеты. И они учили: не провоцируя, не высовываясь, учили быть националистами и антисоветчиками, учили ценностям западной демократии и т.п. Плюс каждодневное воздействие (радио, TV) пропаганды западного образа жизни! В результате молодежь ушла от партии. Это «не наша» молодежь. И главная черта ее индивидуальной психологии – антисоветизм.

Существует организованное подполье. Имеем доказательства. Оно – не такое уж малочисленное, если учесть полмиллиона исключенных из КПЧ в 1969 году. Вместе с их детьми, родственниками, друзьями и знакомыми они составляют приличный процент 14-миллионной Чехословакии, причем едва ли не наиболее активного населения.

По оценке Зародова (много он мне шептал на ухо разностей такого рода) – в обществе созрели огромные силы недовольства, пассивного, бурчащего, ненавидящего, издевающегося по-швейковски. Оно не взорвется «восстанием», но оно может породить ситуацию, с которой никто не будет знать что делать: ситуацию социально-политического тупика. Зародов считает, что «наверху» это отлично понимают. И этим он объясняет подчинение всей политики одному – экономить в государственном бюджете каждую крону, держать «на уровне» хозяйство, грубо говоря, заливать жиром болезнь общества. И пока это так, недовольство не примет опасного выхода.

Живут они, действительно, богато. Магазины ломятся. Товары много приличнее наших, хотя и заметно отстают от Запада. Но контраст качества и ассортимента между чехами и нами куда больше, чем контраст между ними и, например, ФРГ.

Невероятно разбогатела деревня. Тот же зав. сектором Богуш рассказывал мне, что недавно побывал в своих родных краях (Северная Моравия). Есть, говорит, семьи, которые зарабатывают по 70.000 крон в месяц (7 тысяч рублей). У них уже не дома, а настоящие виллы – с двумя гаражами, с цветными телевизорами, с лучшим хозяйственным оборудованием и наимоднейшей мебелью. И это уже не исключительное явление, а становится типичным в наиболее благополучных сельскохозяйственных областях.

Богуш говорит об из рук вон скверной работе нашего посольства. От Мацкевича (посол) он вообще ничего не ждет. Все, говорит, у нас знают, что он получил хорошую синекуру. А его супруга распространяет версию, будто Брежнев сказал: «Вот неси карту, тыкай пальцем, куда хочешь поехать послом, и ты там будешь».

Мацкевич демонстративно манкирует своими элементарными обязанностями. Он либо лечится, либо на охоте. Последнее – притча во языцах. «У нас говорят: посол поехал знакомится с… природой Чехословакии» (а не с Чехословакией).

Беда, говорит Богуш, что вы там, в Москве, не имеете объективной информации. А посольские ниже рангом... Они ведь тоже не знают положения или сознательно закрывают глаза. Да и что могут знать, если они общаются только с людьми протокола. Тот же Фоминов (советник по партсвязям), который хоть и из вашего ЦК, ни разу не пригласил к себе домой рабочего, партактивиста, не имеет ни связей, ни знакомств в народной среде. Потому, что экономит кроны, потому, что он равнодушный, ему здесь хорошо и безбедно. Он сам хвастает, что с удовольствием прожил бы в Праге еще пять лет. Конечно, он заинтересован, чтоб все было тихо, чтоб никого не задеть, чтоб без скандала и обострений…

Зародов мне говорил, что у него, Зародова, очень большие связи в различных кругах Праги. К нему идут жаловаться, «информировать», передавать всякие интимные дела, сплетничать. Я, говорит, писал несколько раз о подноготной, острой, злой, интриганской борьбе в верхушке КПЧ и правительства. Но Мацкевич задерживает мои телеграммы. Он не имеет права это делать. Но, если я начну шуметь, он меня быстренько съест. Что мне – больше всех надо?!

Вот, пожалуй, главное о Праге.

10 июля 77 г.

На службе – Загладин и Шапошников ушли в отпуск. Поток бумаг, проходной двор «на подпись». А главное – делегации. В пятницу беседа с Дафлоном, член ПБ из Женевы. Старый мой знакомый, еще со времен поездки в Швейцарию с Шелепиным в 1964 году. С ним не надо прятаться и дипломатничать. Но все равно устал безумно за два часа. А на предстоящей неделе – итальянцы, французы, бельгийцы.

Политбюро слушало Б.Н. об итогах Праги. Предстоит обзорная статья для «Коммуниста».

Б.Н. перед загладинским отпуском собирал замов. Опять: что делать с еврокоммунизмом. Пришли к выводу, что не надо обострять. Вот вышла вторая статья по Каррильо («Новое время») – и хватит. Она, кстати, мне показалась лучше прежней: там четко, что мы не против КПИ, и вообще – не против любой политики КП. Мы против антисоветизма Каррильо. И мы, если нас признают тоже равноправными, имеем право ответить на многолетние нападки против нас.

А вообще, Б.Н. видит, что «процесса не остановить». И что дело не в аргументах. Их никто и слушать не хочет (я об этом говорил на совещании). Дело в том, что не хотят ассоциировать коммунизм (другие компартии) с КПСС.

Повторяется (по сути, в широком историческом плане) берштейниада. Тем более уместна аналогия, что и капитализм явно вступает в новую эпоху, подобно тому, как на рубеже веков. Возможно, если мы сохраним себя в мире и мир от ядерной войны, эта, коммунистическая берштейниада, будет на этот раз иметь лучший исход. Посмотрим! Впрочем, мне-то уж, наверно, не удастся посмотреть. Моя судьба вместе с Пономаревым – держать за фалды то, что можно удержать в «нашем» МКД, т.е. мелочь.

12 июля 77 г.

Беседа с Лехляйтером, членом ПБ Швейцарской партии труда из Цюриха. Два часа я толковал о несостоятельности «еврокоммунизма», о нашем праве выступить против Каррильо, о том, что нам, КПСС, в пору развертывать борьбу за равноправие и независимость нашей партии в МКД. Вроде соглашается, осторожничает, сказать ему в общем-то нечего. С нашей логикой действительно трудно не согласиться. Но кричать нам «ура», даже такие, как Лехляйтер – тихий, разумный, целиком на нашем иждивении, как и его партия, ждущий от нас пенсии на старости лет – даже он не хочет. И в его бормотании будто слышится: давайте – вы сами по себе, а мы сами по себе.

Принято уже письмо с информацией о встрече Суслов-Пономарев-Пайетта-Буфаллини-Макалузо. Кстати, отличное выступление М.А. было на этой встрече. Если бы решили вдруг организовать его утечку в буржуазные mass media, это принесло бы делу огромную и несомненную пользу. Представляю себе, например в «Нью-Йорк таймс» эту речь, где сказано то, что мы действительно думаем о «еврокоммунизме», об интернационализме, о правах партий на самостоятельность и проч.

Оглушен потоком бумаг и всяких прочих текущих дел. К счастью, Б.Н. взял на себя беседу с французскими секретарями федераций (по нашему, секретари обкомов), а с двумя делегациями ИКП попросил встретиться Загладина (благо, что он в Усово, на даче).

16 июля 77 г.

Тяжелая неделя. На фоне главного: доделка статьи для «Коммуниста» по итогам Пражской конференции, - выламывание мозгов. Всех м… нужных «отразить», никого «заслуживающего» не забыть, сделать фигуру объективности, чтоб было ясно, что большинство нас хвалило, но – в собственных марксистско-ленинских интересах и во имя интернационализма. Чтоб не показалось, что это было обсуждение «доклада» Пономарева (его

выступление равное среди других, хотя и более равное, потому что время ему дали в пять раз больше, чем другим). Но чтоб основные его идеи были отражены через цитаты из других выступлений. И чтоб даже итальянца Сприано «отразить»: дать позитивную цитату из него, а в другом месте намекнуть, что он-де предлагал осваивать опыт Октября посредством углубления в суть «культа Сталина», что, мол, абсурдно, потому что важнее всего – положительный, победоносный опыт. И т.д.

30-страничный обзор отправлен в журнал.

Редактура статьи Б.Н. (сокращенный его доклад в Праге) для ПМС. Пышков предложил вставить туда и о вкладе КПСС в разработку «мирного пути революции». В самом деле, почему бы и нет? Ведь это же ХХ съезд придумал! А теперь всякие ФКП, КПИ и ИКП суют нам свои оригинальные пути, забывая, кто первый сказал «А». (Справедливости ради, надо сказать, что мы потом сделали максимум усилий, чтоб замять это наше открытие). Б.Н. заколебался: «Очень принципиальное дело» (имея, наверно, в виду и то, что напоминание о Хрущеве, и то, что мирный путь стал источником реформизма, и кое-что еще). Однако, покоя ему не давало политическое тщеславие. Решился, и мы вставили на этот счет абзац.

Письмо Плиссонье с намеком, что мы, мол, не обиделись на Марше, который отказался встречаться с Брежневым в Париже, и неплохо-де провести нечто подобное тому, что с итальянцами.

Письмо огромному большинству КП с нашими объяснениями, почему мы выступили против Каррильо и как неправильно нас трактуют mass media и еврокоммунисты. Это все потребовало немало труда, потому что зав. сектором Зуев, видно, совсем иссяк, а референт Перцов, умелый в оперативке, не умеет писать, пришлось делать самому.

Б.Н. уже послав в ЦК проект, всполошился (не дает ему покоя коминтерновская душа): надо, мол, в конце приписать, чтоб они (КП) публично тоже осудили Каррильо. Пришлось его долго отговаривать: не дай Бог просочится, ведь почти 50-ти партиям посылаем, и будут опять мотать на весь мир о «директивах Москвы», о ностальгии по «центру», об интригах и проч. Согласился.

Итоги Дартмунтской встречи в «Юрмале»: Арбатов и Жуков с меня не слезали и др.

А вчера еще похороны Сильвестрова. Моя первая в жизни надгробная речь. Горе и встреча с вечностью. Совершенно опустошенный был к концу дня.

Позавчера был впервые на фестивальном фильме Берталуччи «ХХ век». Италия в разрезе «классовой борьбы» с начала века до прихода фашизма (1-ая серия). Местами сильно, но с выпендрелью, обычной для итальянцев. И, конечно, sex, почему мы и не купили этот явно просоветский революционный фильм (с «итальянскими большевиками» 1920 г. и проч., с Vive Staline! 1945 г.).

О встрече со Стукалиным. Это – председатель Комитета по печати, министр всех выходящих в Советском Союзе книг, член ЦК, депутат и проч., и проч. Раньше он был зам. редактора «Правды», в общем, интеллигентный человек, не отпетый бюрократ, мягкий, ровный. Мы знакомы несколько лет. Он тоже знает, что я не замшелый аппаратчик, не карьерный чиновник при ЦК.

Позвонил: хочу, мол, к вам зайти. Мы альбом («по решению») готовим для участников торжественного заседания 6 ноября, - хотел бы с вами посоветоваться по некоторым наиболее существенным политическим моментам.

Ладно. Приехал. В чем же политика? Групповой портрет (фото) лидеров соцстран с Брежневым в Крыму. «Вот здесь, говорит Борис Иванович, сзади Кадара стоял Катушев. Теперь мы его убрали; видите, тут даже попорчена поверхность снимка? Я думаю, это так правильно. Я был у товарища Русакова, он целиком поддерживает».

Такая же операция проделана с фото на Берлинской конференции: оставлены Брежнев и Пономарев, а на втором плане – Жилин и Загладин. Я было засомневался, но он стал настаивать: мол, никак иначе не получается.

Подошли к концу роскошного издания. «Вы, говорит опять Борис Иванович, может, не обратили внимания, но в отличие от альбома к 50-летию Октября, мы не даем фотографий, где бы другие (!) представители руководства партии и государства показывались бы отдельно. Только вот один раз товарищ Косыгин участвует вместе с Брежневым в беседе с лаотянцами. А М.А. Суслов, вы должно быть заметили, - на трибуне, когда он вносит предложение об избрании товарища Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета».

Вот и вся политика! Кстати, и вся пропаганда тоже!

17 июля 77 г.

Сегодня у меня день «еврокоммунизма». Начитался всего, отложенного за две недели, написанного в Европе и Америке по поводу наших статей против Каррильо. Мешанина страшная. Но суть вроде видна. Попробую совсем схематично: французы и итальянцы (Каррильо уже другое дело), воспользовавшись противоборством между нами и Америкой, хотят прокрасться к власти. Для этого они хотят усыпить и классового противника, и мелкобуржуазную (антисоветскую, увы, в подавляющем большинстве) массу, что якобы они ничего общего не имеют с советским строем. Им могут довериться, впрочем, не из-за их антисоветизма, а потому, что они выглядят альтернативой довольно плачевному состоянию капиталистического общества.

Весь день читал, помимо еврокоммунистических текстов, Ленина, в том числе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Если отвлечься от исторической конкретики, - по методике мысли, по внутренней логике он прав и сейчас, и очень актуален. А какой блеск мысли и слова! Иногда я вскакивал, бегал по комнате, гоготал от восторга.

Между прочим, сегодня прочел в «Le Monde» - именно то, чего я боялся и что предчувствовал: французы увидят, с кем они имеют дело… «чучело орла». Заметка жирным шрифтом, т.е. как очень важное. Жискар поделился с кем-то впечатлениями (а до этого Вэнс с ним, оказывается, разговаривал на ту же тему) о Брежневе. У него осталось ощущение, что Брежнев incapable вести углубленную беседу и вообще больше часа не в состоянии разговаривать. Обе их встречи были по времени ополовинены. Здоровье, состояние Генерального decline. Высказано предположение, что не протянет до конца года. Интересно, у нас кто-нибудь читает подобное?

21 июля 77 г.

Сегодня весь день со Станишевым (зав. отдела БКП). Приехал проинструктироваться, так как Канапа едет в Болгарию с письмом к Живкову от Ж. Марше.

Б.Н. сам вызвался с ним разговаривать (ибо Живков потом поедет в Крым и может сказать Л.И., как хорошо ему помог Пономарев бороться с еврокоммунизмом).

Б.Н. становится безумно утомителен, повторяет по три раза свои краткокурсные глупости, ссылаясь при этом на беседу (его и Суслова) с итальянцами, где все совсем не так. Между тем, сам же он потом предложил Станишеву почитать запись беседы. Значит, либо он таким образом делает свою, в отличие от Суслова, политику, либо он и в самом деле понимает суть беседы не так, какой она была и как она отражена в стенограмме.

Он больше все говорил о том, какие итальянцы реформисты, о социализме забыли и проч. Хотя в беседе у Суслова и намека на что-либо подобное не было. Совсем напротив. – Суслов подчеркнуто говорил, что «это ваше дело выбирать политику, путь»…

Потом (после того, как Станишев начитался и про финнов, и про ФКП, и про ИКП, и про Каррильо, и про шведов) я попытался вырулить его «обратно», на сусловский путь. Не знаю, заметил ли он разницу между разглагольствованиями Пономарева и текстами, которые он читал, и моей подачей нашей линии в МКД.

Утром у Б.Н.'а я, Зуев, Перцов. Об Испании. Полицейский образ мышления и действий (впрочем, настолько глупых, что они не в состоянии стать реальными действиями).

Майя, дочь Ибаррури, вернулась в Москву. Так вот надо ее подговорить, чтоб она в западную печать «внедрила» (но чтоб не заметили, что это «от нас»), как плохо Каррильо обращается с Пассионарией. Изолировал ее и т.п. Надо связаться с группой Гарсия и еще одной отколовшейся компартией – дать им 50.000, которые они просят на борьбу против Каррильо. Но, чтоб не «от нас», а пусть ГДР'овцы передадут эти деньги. Надо статьи писать для Испании не прямо против Каррильо, но чтоб все видели, что это против него. (И это тогда, когда даже статьи «прямо против Каррильо» из «Нового времени» никто не стал читать, удовольствовавшись изложением агентств!

Надо, чтоб Перцов поехал в Португалию и оттуда подговорил «Интерсиндикал» (профсоюзы) воздействовать на Испанию. Рабочие комиссии – против Каррильо. Старческие коминтерновско-полицейские глупости.

Во вторник был на Секретариате ЦК. Слушалось – о нечерноземной зоне. Оказывается, ничего там не делается. Избрали мальчиком для битья министра сельскохозяйственного строительства. Он жалко лепетал, что у него того нет, этого нет, здесь не дают, здесь урезали. Но его и слушать никто не хотел.

«Песочили», чтоб показать критический подход, но денег ни копейки не пообещали.

Обсуждение деятельности Московского областного Комитета КПСС по развитию текстильной промышленности (она, оказывается, дает 40 % общесоюзной продукции). Конотоп (секретарь московского обкома). Произнес пустейшую речь – не по делу, о Конституции, об избрании Председателя Президиума Верховного Совета, о заботе партии и т.д. Но когда стали обсуждать – он начал огрызаться: 30 % прядильного и 50 % ткацкого оборудования с дореволюционным стажем, красок современных нет, 8.000 рабочих не хватает, новые станки в пять раз дороже, а покупать их приходится из тех же средств, что дали по ценам на старые. Фонды на бытовое обслуживание урезаются. И … в этом духе.

Этого, хоть не песочили, но тоже ни копейки не дали. Но потребовали «поднять», «улучшить» и проч.

И в первом , и втором случае поручено составить «развернутое постановление» с публикацией в печати. Хотя ясно, что от этих постановлений ничегошеньки не изменится. Таким образом, даже обсуждения на Секретариате ЦК подчинены в лучшем случае пропаганде, трепу, видимости дела, а не самому делу.

30 июля 77 г.

Была встреча с Райхлиным, членом ПБ ИКП, директором «Униты». Был проект письма к Испанской компартии. Была командировка Григорьева в «Юрамалу» к Аксену – «опять эта наша золушка (Ибаррури) попала в неприятность и надо выручать»…

Публикация по моей инициативе статьи Береца из «Непсабадшаг» в «Правде» о еврокоммунизме, т.е. демонстрация того, что КПСС среди всех нюансов в соцсодружестве (болгары, чехи и проч.) выбирает венгров. Это очень кстати после нашей акции с Каррильо.

Беседа Кадара с Брежневым в Крыму, где он (Брежнев) высказался о еврокоммунизме в венгерском стиле: надо изучать (поручить международным отделам) деятельность братских партий Запада, отбирать то, что интересно и ново, что есть – поиск правильной политики… Полемика – крайнее средство. Надо сплачивать, собирать МКД. Надо больше рассказывать им о нас, они плохо нас знают. Спокойно обсуждать проблемы…

Между прочим, беседа Б.Н. с Каштананом – в центре еврейская проблема (мол, нас искажают, а мы с евреями хороши). С паршивой овцы хоть шерсти клок. Но, увы – и этого не будет. А партии у Каштана давно никакой нет. И все он врет о ее «деятельности».

3 августа 77 г.

Инициатива ГКП, чтоб все партии – участники берлинской конференции подписали заявление против нейтронной бомбы. Вчера пришла телеграмма от Фалина (посол в Бонне). Но я уже знал об этом: неделю назад мне звонили из посольства ГДР и согласовывали. Для советника – немца, я, конечно, ЦК. И я сказал, что «за».

Б.Н., получив телеграмму, заявил о «нелояльности» ГКП (надо было нас предупредить заранее). Я ему рассказал о разговоре с посольством ГДР, но он и ухом не повел: мол, не было этого и не должно быть – не дай Бог узнают, что с каким-то Черняевым «согласовано» было и он говорил за ЦК. Сам-то Пономарев «за», но МИД против – вот вам, так называемые, «госинтересы»! И уже успел поколебать Кириленко.

Но Б.Н., проверив мою решимость на Брутенце и зав. секторами, которые «однозначно» поддержали, стал действовать: звонить в Крым Суслову, Блатову и уговорил Кириленко.

К вечеру пришло сообщение, что 16 партий уже «подписали», в том числе ГДР и Болгария (!). Венгры и чехи, позвонив мне, стали ждать нашего решения.

А надо к 6-ому, так как ГКП хочет опубликовать в день Хиросимы. Но Блатову (мидовцу по натуре) трудно будет добраться с этой мелочью до Генерального. Там на подходе памятки для беседы с Живковым, Чаушеску. Может и сорваться, между прочим, - по тем же «мидовским» соображениям: не дразнить американцев! Вот скандал-то будет!

7 августа 77 г.

Призыв ГКП – мы, КПСС, согласились его подписать. Брежнев не возражал, Суслов и Кириленко присоединились. Сообщили в Дюссельдорф, но произошла заминка: итальянцы вдруг начали тянуть, ссылаясь на то, что «все секретари разъехались на места»… Ясно, что эта инициатива им ни к чему: она вразрез с их позицией «посредине» между СССР и США. Отказались подписать японцы. Испанцы (Каррильо) присоединились без звука, а французы, конечно, не могли не внести поправок (совершенно незначительные, но зато – французский вклад, спесь удовлетворена). Короче говоря, к 6-ому - Дню Хиросимы не получилось! И публикация теперь состоится в понедельник.

Что сталось с нашим прекрасным МКД, как сказал бы Мао!!

К счастью еще, что текст попал в наш МИД после того, как он уже стал «решением ЦК». Ибо, когда post festum Пономарев заставил меня (впредь до публикации) согласовать с мидовцами, я услышал от Корниенко (который советовался с Кузнецовым, Громыко – в отпуску, а то бы и завалили!) нытье в таком духе: что ж мы объявляем варварским оружие, которое, может, самим придется производить против китайцев. Ведь, если они придут на нашу территорию, что будем делать?.. А потом: мы ведь в переговорах с американцами нейтронную бомбу не зачисляем в новые типы ядерного оружия. Как же так, скажут они теперь? Что ж, мол, вы поднимаете такой некомпетентный шум? И т.п.

Я не очень оправдывался. Переть МИД'у против решения ЦК негоже. А сам думал: если мы уж и по этому поводу (против нейтронной бомбы), понятному каждому, правда, не в МИД'е работающему нормальному человеку, не сможем присоединиться к КП других стран, то и в самом дел надо закрывать нашу «коммунистическую лавочку».

Недавно у меня был приступ астмы. Болезненное состояние клонит к размышлениям. Между прочим, заметно, что мой дневник, в отличие даже от фронтового, казалось бы, связанного с событиями в жизни, действительно важными, и между тем заполненного всякими «переживаниями», - теперь состоит не из самокопания, а почти исключительно их фактов, с которыми я соприкасаюсь… и из людей, с которыми рядом.

Может быть, это потому, что не хочется заглядывать вглубь, внутрь себя. В той политике, к которой я причастен, ничего не светит. Здесь – упадок, вырождение МКД и проч.

И смысл моей деятельности, очевидно, состоит в том, чтобы посильно задержать этот процесс или замаскировать.

2 сентября 77 г.

Юрмала, «Янтарь». Публика. Как в профсоюзных домах отдыха. Из глубинки. На пляже при галстуках, орденских лентах и даже увешанные разными медалями: во всем своем параде, - курорт дело серьезное и не каждому такой почет. Танцплощадки при домах отдыха по вечерам. С каким упоением там люди отплясывают свой законный отпуск!

Евреи. Среди вольно отдыхающих, дикарей – их 70-80 %. Да и в целом они преобладают в Юрмале над всеми другими. В Москве они воспринимаются как отдельные «индивидуумы», интегрированные в общемосковскую толпу и в столичное население. А здесь почти физически ощущаешь, что это нация… как таджики или башкиры. Или армяне. Все их местечковые манеры и жаргон выглядят как самые настоящие, «объективные» национальные черты. И поскольку их много, больше даже, чем других, они ведут себя, как дома – как в Гомеле, Житомире или в Одессе – без всяких комплексов и нахальства. Они естественные, они в своей среде. Да, это нация и никуда от этого не денешься. И обращаться с нею надо так же, как со всеми остальными. Ведь какие-нибудь казахи или туркмены тоже не обязательно могут нравиться всякому русопяту или хохлу. Он тоже нередко воротит от них нос… Однако, он не позволит себе лишать их морального права на самобытность, как это делает любой антисемит в отношении евреев.

19 сентября 77 г.

Когда отдаляешься чуть от «текучки», наваливаются вновь и вновь проклятые «глобальные» проблемы. Повод – очередная тщеславная идея Пономарева: Обращение к народам мира по случаю 60-летия Октября. Для прикрытия одновременно – Обращение к советскому народу (хотя это уж совсем нелепо – ведь доклад Брежнева будет). Мы с Брутенцом, которому он это поручил, еще летом говорили ему: лучше, мол, уж одно Обращение. – Ни в коем случае! Разгадка как на ладони: он сам хочет пофигурять на трибуне Кремлевского дворца. Если же будет только одно Обращение, наверняка зачитывать поручат не ему!

Ну так вот. Стали мы с Карэном выламывать мозги. Ничего в голове нет. Понятно, что нужны лишь красивые слова, а не новые идеи, которых «никто не позволит», ибо тогда им место не в тексте для зачтения Пономаревым… Но дело-то в том, что и красивые слова (свежие) на ум не идут, так как они (все возможные) тысячи раз уже произнесены, всем надоели, вызывают только раздражение или насмешку, в лучшем случае – полное безразличие.

И все потому, что сказать-то нам миру нечего. Не хочет он идти за нами, тем более – подражать. Вообще-то говоря, в этом нет ничего трагичного. Трагично то, что мы не хотим с этим смириться, потому что слишком далеко зашли в своем хвастовстве и нескромности. Перебирая вчера свои ящики с выписками за 25 лет, я наткнулся на удивительное место у Ленина о значении того, что «мы сделали». «Если мы будем корчить из себя лягушку, - заключает он длинный пассаж на эту тему, - пыхтеть, надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны» (т.38, стр.180). Конечно за 60 лет у нас есть чем хвастать. Тем не менее… Хвастовство за эти десятилетия нарастало в геометрической прогрессии (и с каждым новым «этапом» – от Сталина к Хрущеву и т.д. – приобретало прямо-таки космические размеры), а успехи – менее, чем «арифметические». По крайней мере, все социологические, принципиального значения рубежи, которые когда-либо намечались, не были достигнуты в срок или достигнуты с такими издержками и с таким опозданием по сравнению с Западом, что их психологический эффект и в стране, и в мире обесценивался.

Но даже не в этом дело. Царскую Россию мы, действительно, всего за какие-то полвека преобразили так, как ничто не в состоянии было бы ее изменить. Но наше почти иррациональное (проистекающее из самой логики великой державы) стремление навязать себя другим, изобразить себя лучше всех, осчастливливать всех своим идеологическим, военным и политическим присутствием и в общем-то бессмысленным вмешательством – оттолкнуло от нас мир, разрушило наш авторитет, омрачило и наше великое революционное прошлое – предмет былого искреннего и возвышающего восхищения миллионов повсюду в мире…, пусть даже в мифологическом, примитивном представлении.

Наше хвастовство приобрело силу объективного закона. Просто так, мановением какого-нибудь приказа или решением ЦК его остановить нельзя. Ибо для этого нужно сразу разоблачить кричащее несоответствие между тем, что делается и как делается, например, как строится БАМ, в отличие от того, что показывают по TV, признать, что отдельные недостатки касаются жизни десятков миллионов советских людей, а «массовые» достижения затрагивают лишь очень небольшой слой.

Так вот, возвращаясь к Обращению к народам мира… Что же нам сказать им? Опять хвастаться, но они уже знают, что нѐчем. А кроме того, мир колоссально изменился за 60 лет, сейчас он переживает действительно кризисный перелом всеохватывающего масштаба. И он ищет ответов, выхода. Можем мы ему предложить что-то, действительно, серьезное и, действительно, основанное на науке? Могли бы, наверно, если бы не находились в плену у своего хвастовства, если бы не пытались вновь и вновь под разными соусами навязывать себя другим…

Призывать опять к миру во всем мире? Это мы и так каждый день делаем. И все уже теперь понимают, что мир зависит не от народов, а от решимости, ответственности и честности тех, у кого в руках реальная и огромная власть, а также – ядерное оружие. Так что, подобные торжественные призывы порядочно набили уже оскомину.

И «еврокоммунизм» оттуда же. Нас признают за исторически сложившуюся реальность, важную, но не образцовую. А мы все мельтешим и суетимся. Б.Н. еще до отпуска велел выступить в «Правде» со статьей: показать как империализм использует «еврокоммунизм». После разных мытарств (Корионов, Шейдин) вылилось это в статью Жилина в «Новом времени», которая готова была спустя полтора месяца после «указания» и напечатана неделю назад. Еще до болезни я успел ухватить в ТАСС'е: огрызнулась «Унита», - мол, это все равно, как если бы мы стали судить о политике Москвы на основании того, что о ней пишут антисоветчики. Глупо: мы не отрицаем, что вашу политику хотят представить в неверном свете. Однако, симптоматично: «Унита» посоветовала нам, если мы хотим знать, что такое еврокоммунизм, обратиться хотя бы к последнему интервью Буффалини». Иначе говоря, они не позволяют нам ни по какому случаю изображать еврокоммунизм как политику империализма, отрицать за ними право быть самостоятельными, а еврокоммунизму оригинальным течением, если не движением.

А мы все стараемся спрятать голову в песок. Строим вот потемкинские деревни, пригласив всех на 60-летие, озабочены, чтобы они не сказали здесь «чего-нибудь такого», хотя они скажут…Эйфория прошла, правда. Задираться не будут. Но вновь «с этой высокой трибуны» скажут, что они теперь сами по себе и пусть мы им не мешаем, так как все равно ничего не выйдет…

Хвастовство нас губит, унижает наш авторитет.

Неделю назад я прочитал новую книгу Дж. Кеннана. Мудрые вещи он советует своему правительству – с позиций в общем здравого современного изоляционизма. Вчитываясь, я подумал, что его рекомендации относятся и к нам, так как наше «наказанье» оттуда же – что мы также великая держава. Поменьше суетиться и совать свой нос повсюду, поменьше обращать внимание на то, что о нас говорят и думают, заниматься своими делами…

В воскресенье был в манеже на выставке российских художников – к 60-летию. … Пришло сейчас в голову сопоставление: в Юрмале, когда меня привел на теннис прекрасный молодой человек – тренер, у нас состоялся такой разговор. Мы сидели на лавочке и

наблюдали, как играют две пары отдыхающих-любителей. Бывало, что они довольно хорошо реагировали на мяч, точно попадали в площадку противника, не лупили заведомо в ауты. Я обратил на это внимание. Ответ был очень неожиданный: «Знаете, говорит он, такая вот игра – тычки, беганье, случайные удары – так и останется игрой отдыхающих. Она лишена перспективы, у нее нет и не может быть развития, она никогда не поднимется до уровня, с которым связано понятие «теннис»…

Глядя на выставку в Манеже, я вспомнил слова этого интеллигентного профессионала. Живопись, там представленная, обречена на такое же…

Есть даже несколько волнующих картин, но в целом там, где новое – там эпигонство, где реализм – там консервативность, зеркальность, где социальная активность – там нарочитость, деланность, а то и демагогия, если не вовсе карьеризм. И как выигрывают на этом фоне плакаты 20-х годов, которые выставлены «ретроспективно»: там подлинное новаторство, устремленность, динамизм, способность к развитию даже в тех случаях, где еще налет чуждого стиля «Мира божия», символизма, там настоящая политичность.

Во время болезни перечитал Ленина «О продналоге». В этой маленькой брошюре – вся мудрость, вся философия – и стратегия, и тактика современной революции. А написана ведь она в России. И еще кое-что почитал из Ленина. Потрясающий гений, невообразимый… А какой язык! Мы совсем разучились разговаривать, говорить и писать таким языком. А ведь только такой язык победоносный в эпоху, которая идет от Октября.

1 октября 77 г.

28-го вышел на работу после болезни. Оказалось, что там ничего нет спешного и существенного. Б.Н. интересовался мной лишь в связи с его докладом на двух конференциях в ноябре. О записках Жилина, которые он ему поручил – что делать с ФКП и что делать с МКД – отозвался плево (хотя они в общем дельные): мол, он там все больше объясняет, откуда взялся «еврокоммунизм», а предлагает то, что мы и так делаем. Ergo: марксиста-ленинца Пономарева не интересуют причины еврокоммунизма, ему подай экстренные (скорее всего полицейские) средства его подавления!

60-летие Любимова. Позвонил он мне, звал. Пошел. Дали ему орден Трудового Красного знамени и, говорят, дадут Народного. Стеклось много всякого народу – волны славы и самодовольства. Со мной он был очень обходителен. В таких случаях говорят: «не знал, куда посадить и чем угостить» – под недоуменными взорами таких толпившихся в его кабинете людей, как Плисецкая, Щедрин, Капица и т.п., кои, естественно, обо мне понятия не имели: знали, что не писатель и не артист, а с «вышестоящими бюрократами» Любимов вроде бы обходится иначе!..

Посмотрел еще раз «Мастера и Маргариту». Сильное первое действие, остальное по-прежнему балаган, демонстрирующий удивительное сочетание в Любимове таланта и безвкусицы.

Затем был капустник и банкет. Говорят, неплохое было действо, включая Гердта, Паперного и Высоцкого, с которыми я перебросился в антракте. Но я не остался.

9 октября 77 г.

Насыщенная неделя. 3-го – Пленум ЦК. Брежнев объявил, что В.В. Кузнецова ПБ рекомендует на первого зама Председателя Верховного Совета, т.е. при Брежневе. Поэтому – и в кандидаты члена ПБ. Затем долго перебирал бумажки и найдя нужную, стал говорить, что в ЦК все больше работы и проч. Поэтому Черненко надо тоже сделать кандидатом в члены ПБ. (Кстати, то же самое он говорил год назад, когда рекомендовал Черненко секретарем ЦК). Б.Н. же – опять мимо, несмотря на то, что который год он выламывается с Конституцией, явно рассчитывая, что, наконец-то, настанет его «звездный час». Не тут-то было! Да и смешно было бы рассчитывать, что принятие Конституции свяжут еще с чьим бы то ни было именем.

Доклад об итогах конституционной комиссии и поправках на Пленуме был краткий, довольно формальный и заранее было предложено прений не открывать, ибо можно на самой сессии выступить кому захочется.

Как бы там ни было, все три речи Генерального и сама Конституция очень внушительны. Это, в самом деле, идейно-политическая и правовая рамка реального продвижения нашего общества, иной и невозможно, и не нужно. Дело за тем, чтобы действительно, преодолевая косность аппаратов и кадров, наполнять Конституцию тем, что в ней заявлено. Получится ли? Не тот возраст на всех решающих уровнях управления и власти! А, следовательно, ни отваги, ни живости ума, ни готовности действовать по Конституции, а не с ориентацией на близкое и отдаленное, всякое начальство и разных «коллег» и соседей, которые в свою очередь действуют по тому же принципу. (Это как с аплодисментами на сессии, - в некоторых случаях они затягивались до того, что будто в воздухе повисал невыраженный крик: «когда же», «сколько можно», «нелепо», «смешно», «недостойно», «хватит уж»…99 % в душе так думали, но все продолжали хлопать).

14 октября 77 г.

На этой неделе Загладин придумал одно необычное действо: разослал приглашение на «неформальную, откровенную, закрытую» встречу наиболее умным и свободно мыслящим – Галкин, Бурлацкий, Лейбзон, Делигенский, Карякин, Ардаев, Соболев, Красин, Гилилов, Тимофеев, четыре наших консультанта, три профессора от Матковского и еще кто-то, менее значительный. Поговорить о «еврокоммунизме. Сам Загладин, я и Жилин сели во главе стола буквой «П». Жилин сказал «экспозе». И пошло. Нового они там ничего, понятно, не сказали. Но это был будто разговор между доверенными из консультантской группы нашего отдела, - будто в моем кабинете, походя, зацепились за что-то и разговорились, ни на что не оглядываясь. Участники были безумно рады (и, конечно, горды, что именно их выбрали для такой доверительной дискуссии!). Каждый старался показать, на что способен. Но помимо ярмарки тщеславия был и серьезный ум, забота о деле, заинтересованность и знание предмета, - как это ни странно при той информации. Которой они могут располагать легально.

Рады они были и тому, что их широкий и спокойный подход к «еврокоммунизму» встретил понимание и поощрение. Собственно, мы и они оказались согласны в оценке главного. Да, по существу и в выводах: что делать?.. Надо срочно поднимать наш, КПСС'овский авторитет в области теории, надо преодолеть предубеждение (впрочем, обоснованное), что мы закоснели в догматизме, что мы меряем только на свой аршин, и все, что с ним несоизмеримо, то – ревизионизм, уклон и проч.

Нужны крупные теоретические инициативы на самом авторитетном уровне КПСС.

Да, теоретически (если говорить всерьез) «еврокоммунисты» очень слабы и беспомощны. Их претензии на открытия – смешны. Да, собственно, это и не теория даже, это политика, тактика, ловля конъюнктуры, прикрываемые теоретическим трепом для пущей важности.

Но мы-то взамен (по тем вопросам, по которым они пыжатся сказать «новое») тоже ведь ничего не сказали и кроме нанизывания цитат, которые хоть и сильны, но выглядят как навязывание своего старого опыта, ничего не предложили! И т.д.

Длилось это 6 часов. И происходило «на базе» Ленинской школы, где Вадим – зав. кафедрой.

Это, действительно, уникальная дискуссия, которая, пожалуй, даже пять лет назад была бы немыслима.

Ульяновский (один из замов Б.Н. - из тех, как зло шутят, кого в свое время посадили и потом напрасно выпустили), узнав о ней случайно, сказал своему «доверенному лицу» (а тот тут же сдал Загладину): мол, надо бы М.А. Суслову сообщить об этой ревизионистской забаве!

Впрочем, уверен, что в Суслове наших дней он очень ошибается!

15 октября 77 г.

Встретил у метро на днях, идучи с работы, Зигу (Зигмунд) Шмидта (сын знаменитого академика, полярника, знаком с ним по истфаку). Он стоял и беседовал с кем-то в берете. Зига заметил меня, пришлось подойти. Собеседник его сразу раскланялся и ушел.

- Ты знаешь, кто это такой?
- Понятия не имею.
- Краснопевцев! Тот самый! Секретарь комитета комсомола Университета в 1956 году, руководитель подпольной группы по восстановлению справедливости и ленинских норм после XX съезда… Обушенков там, помнишь, был с вашей кафедры, Эйдельман, еще человек восемь… Они пошли в народ тогда, на заводы, на ЗИС, листовки расклеивали. Был большой шум. Всех их посадили. Краснопевцев получил 10 лет…
- Помню, - говорю я. – Но как он здесь оказался, откуда ты с ним сейчас?
- Да мы были на заседании музейной секции Археологической комиссии. Сидим там рядом с Белявским. Я-то тогда ведь не был уже на истфаке, а Белявский был членом партбюро. Он его сразу приметил. А когда тот начал говорить («широко, умно, свободно, с идеями, хорошим языком»…), Белявский меня толкает в бок: «Точно он, Краснопевцев!» Кончилось собрание, я подошел, познакомились. Он сейчас зав. музеем на заводе «Серп и молот». Отбыл все десять! Об остальном я не успел расспросить, ты появился. Не исключено, что он тебя узнал. Ты ведь тогда преподавал на истфаке.

29 октября 77 г.

С 19-го по 21-ое был в Варшаве. Встреча международных и идеологических отделов девяти соцстран. Я, Шахназаров, Ненашев. Смысл – перевести эти встречи по возможности в рабочее состояние, освободить от трепа a la Пономарев. Мои речи. Все обрадовались, что КПСС тоже, наконец, пришла к выводу, что между товарищами надо говорить по-деловому, а не агитировать друг друга и не просвещать в общеизвестном.

А на работе началась куралесица. Пошел поток делегаций. У меня тоже с десяток. Вчера уже встречал Каштана. Представляю, что с ним будет, когда он узнает, что в Кремлевском дворце ему слова не дадут. Как, впрочем, и многим другим.

Я – руководитель пресс-группы по «редактированию» и выдаче в печать всех речей, приветствий и проч. коммюнике, связанных с пребыванием на торжествах по случаю Октября 110-120 делегаций (из них – наших около 100).

19 ноября 77 г.

Вчера вернулся из Англии. Много любопытного было за эти дни, хотя и изнуряющего. Но, так как не было ни часа, чтоб записать, многое выветрилось. Аромат непосредственности улетучился. Да и факты тоже. Например, на моих глазах произошел весь «инцидент» с Каррильо (я вместе с Зимяниным и Афанасьевым был определен встречать и сопровождать делегацию КП Испани). Сам видел: каков он был при приезде, при отъезде, когда он таки не получил слова в Кремле. Мы – Международный отдел и Б.Н. – готовы были дать ему слово! А теперь вот он поехал в США, где пошел выступать, как штрейкбрехер в бастующий Университет. Каррильо хочет войти в историю Испании, как «великая национальная» фигура после Франко, и ему не важно, под каким идеологическим и политическим знаменем это произойдет. Он хочет быть своим на Западе и для этого будет попирать МКД, одновременно эксплуатируя свою принадлежность к нему и свою роль орудия коммунистической партии.

Случай с Китсоном (шотландский профсоюзный деятель). Выступал в Красногорске. Похвалил СССР, поругал безработицу в Англии… и оказался на грани изгнания со всех

постов. В Лондоне он вместе с Дженни Литл (секретарь лейбористской партии) прибегал встречаться со мной в посольство, каялся. Дженни напилась, плакала, лезла целоваться. Мы их долго не могли выпроводить (ждал шеф). Но это особый и долгий разговор. Я еще раз почувствовал пропасть не только политическую между лично симпатизирующими и близкими людьми, но и различными «цивилизациями», различными национальными характерами. Хотя, казалось бы, внешне мы такие же люди – добрые, умные, все понимающие.

Английская поездка на съезд компартий уже стерлась в памяти. Но попробую воспроизвести лишь «программу пребывания».

Улетели мы 11 ноября. Утром же были в Хитроу. Встречал Джек Уоддис и посольство. Кунаев несколько смущен… Та же охрана из Скотланд-Ярда, что и при Пономареве, в бронированном и радиофицированном «Rower». Сразу в ЦК КПВ. Там – дружеская беседа с Макленнаном и Макгахи.

С 12 по 15 ноября включительно – четыре дня съезда. Просиживали там от 6 до 9 часов кряду, с одним обеденным перерывом. Интересно и местами волнующе. Неподдельный энтузиазм и заинтересованность, искренность споров, полемики, аргументация всерьез, не свойственная британцам страстность. Иногда, впрочем, наигранная, ораторская. Умение говорить – практически у всех: от молодых рабочих до опытных политиков профтрибунов. Настоящая дискуссия, от которой ждут результатов – то, чего у нас на собраниях, тем более массовых, и партийных, в первую очередь, давно уже нет. А поколение 25-30-летних даже и не знает, что это такое.

Как «кадровая» партия КПВ, видимо, активная и живая организация, недаром она поставляет очень авторитетных людей в профсоюзы. Но массовой ей не быть. И за стенами съезда она, как целое, видимо, живет отраженным светом «мирового коммунизма». Хотя и пыжится усилиями людей типа Фалбера, Чейтера, да всех лидеров, выглядеть чем-то оригинальным.

Делегацию КПСС во главе с членом ПБ Кунаевым приняли на ура. Настороженно ждали нас. Боялись междустрочной критики. А мы проявили «широту подхода»: мол, делайте, что хотите у себя дома, принимайте любую программу, но будьте «за нас» в международных делах и в смысле «высокой оценки роли КПСС»… и тогда все в порядке – желаем вам всего, чего вы сами себе желаете.

Для них нужна была демонстрация – что мы поддерживаем их, КПВ, а не отколовшуюся оголтело просоветскую новую партию Френча.

Эпизод с резолюцией о 60-летии Октябрьской революции. Один парень, лохматый и нервный студент, полез было возражать … Его ошикали и освистали. Макгахи вынужден был его лишить слова. Но… при голосовании 9 – против резолюции. Свист, крики «Позор!»

Красивая еврейка, от которой ждали тоже антисоветского выступления, не сказала ни слова в наш адрес и победно смотрела на меня… Я сидел в трех метрах, прямо перед трибуной.

Тот же парень, который возражал против резолюции о 60-летии, выступал в прениях о «плюрализме»… и говорил: посмотрите, вот в СССР нет плюрализма и поэтому вы имеете там 10.000 «узников совести».

Джудит Хант (из делегации КП Израиля) сначала делала вид, что не видит меня из президиума, а когда встретились в перерыве – бросилась целоваться.

Неловкости с охраной и всеми сопровождающими Кунаева. Всего нас входило в зал 12. А от всех других партий – по одному человеку. Всего – 7. Особенно красочно мы выглядели, когда в таком соотношении делегации явились на обед, который давало руководство для иностранных гостей.

16-го поездка на ферму. Отсутствие хвастовства при показе – разительное отличие от нас, когда мы показываем подобное, пребывая в комплексе неполноценности. А достижения, когда мы слушали пояснения, такие, что за этот период мы бы имели уже 17 Героев социалистического труда.

Фирмачи по производству сельскохозяйственных машин рекламировали себя, а потом закатили нам обед в Шекспировской гостинице в Страфforде-на-Эвоне.

Дом, где родился Шекспир. Дом, который он купил для жены. Кстати, у них – никаких даже намеков на то, что существуют версии о том, что не было никакого Шекспира.

Проехались по Midland'у – прелестная страна.

17-го – shopping. Oxford street. Великолепные магазины, от которых кружится голова, а неподготовленную москвичку может просто хватить инфаркт. Народу в магазинах много и покупают, покупают… Кунаев, как-то за столом мечтательно произнес: Кризис, кризис, а всем завалены и денег, видно, много у всех!

В ПМС вышла статья Брежнева. Подготовили ее зародовские ребята. Потом прошлись Загладин и Александров. Только бы ее (нас) внимательно читали те, кому следует, только бы мы сами не забыли сущности того, что написано в этой статье, т.е. чтобы ее не постигла судьба многих умных и дельных фраз, идей и «положений», уже зафиксированных в Собрании сочинений Брежнева!

Вчера в Президиуме АН СССР – вручение ордена журналу «Вопросы истории». Собрались в большом количестве историки всех поколений, в том числе моего и около. Боже мой! Какое дряхлое старье. Какое счастье, что я в свое время ушел из этой среды и могу теперь насмешливо глядеть на этот паноптикум со стороны. К тому же, и физически я гляжусь лет на 20 моложе их…

<u>4 декабря 77 г.</u>

Б.Н. в пятницу собрал замов – опять, чтоб обсудить что делать с еврокоммунизмом? Кстати, с ним дело довольно ясное – и теоретически, и политически. Выходят не только серьезные статьи и брошюры, но целые уже книги. На днях, например, прочел A. Kriegel «Еврокоммунизм». Анализ исчерпывающий – и причин, и содержания, и возможных продолжений.

Или – беседа английского историка Хобсбаума с представителями «Ринашиты». Кстати, я встречался с Хобсбаумом где-то году в 1954-55. Он приезжал в Москву, его принимали в ректорате МГУ. И пригласили всех «англоведов»… Думал ли я тогда, разговаривая с ним об Английской революции XVII века (он специалист по ней), что скоро (в связи с венгерскими событиями) он станет диссидентом в КП Англии, уйдет, потом вернется, а теперь вот – один из теоретиков еврокоммунизма, но – скептический!

Однако, у нас, которых еврокоммунизм волнует, кажется, больше других, никто ничего о нем серьезного не пишет. И не может писать. «Объясню почему», как принято сейчас выражаться на интеллигентско-московском жаргоне. Вот это самое совещание у Б.Н. (а кто как не Международный отдел ЦК призван формулировать подобного рода оценки?!)… Загладин, которого Пономарев попросил подготовиться, тоже пытался охарактеризовать «еврокоммунизм» всесторонне… Б.Н. сразу заскучал: характерное в этих случаях постукивание по столу, и недвусмысленное то и дело поглядывание на часы. Вадим это видел, но продолжал, хотя и комкая… И поразительно, я, который целиком за то, чтоб всерьез разобраться в «еврокоммунизме», как и в МКД в целом, обосновать нашу линию, я почувствовал неловкость за Вадима: мол, чего он, как мальчишка-студент лезет со своими «теориями», - явно ведь неуместно и никому (начальству) не нужно! Нужно только одно – как заткнуть рот или дискредитировать Каррильо, как утихомирить Марше, чтоб он совсем не порвал с нами, кого послать в Италию и «поговорить» с Берлингуэром, чтобы он на ближайшем съезде ИКП не выбрасывал из устава партии слова «марксизм-ленинизм» и «пролетарский интернационализм». Об этом потом Б.Н. сам и говорил. Только об этом. Ни малейшего желания проникнуть в суть дела, в процесс, который объясняет глубинными течениями и который разрушает прежнее МКД – и спасти его в том виде, к какому привык за 60 лет Б.Н., невозможно…

То есть нет ни политики (есть только тактика), нет и никакой теории МКД… Ибо нет даже намека на желание представить себе, как же с социалистической революцией дальше, что она собой представляет.

Он (Б.Н., а он – своего рода камертон с коэффициентом на информированность и образованность) – бывает подчас обезоруживающе наивным. Говорит, например, на этом совещании замам: «И чего еще им («еврокоммунистам») нужно?! Мы провели такой интернациональный праздник. Так хорошо их встретили. И говорили хорошо – мол, не будем вам мешать… Конституцию приняли, самые широкие демократические права утвердили… А они вот вернулись к себе и опять: и против ленинизма, и против нашей демократии, и против общих закономерностей выступают в разных интервью, и опять антисоветские материалы в их газетах?! Чего им нужно!»

Ну, хорошо! А если, например, Загладин сам станет во главе Отдела, даже если он будет международным секретарем ЦК – изменится что-либо по существу? Впрочем, кто знает, постепенно, может быть, и изменится…

Идет ли в нашем обществе подспудный стихийный процесс формирования чего-то неожиданно нового, того, что зреет практически независимо от народный собраний, конференций, приветствий Леонида Ильича коллективам и писем коллективов ему, от всей этой официальщины, к которой даже сами участники (видно по лицам на экранах телевизоров) относятся как к надоевшему, но обязательному ритуалу? Общество ведь живет в тех материальных условиях, которые создаются строем, но последствия которых им в дальнем итоге не определяются. Новые дома, суетливый ритм жизни, постоянная спешка, заботы, которых не знали наши люди даже 10 лет назад, совсем какие-то непонятные взаимоотношения между людьми в быту – отчужденность, отсутствие «компаний», домашних друзей, отсутствие интереса даже к очень близким людям, «разорванность» бытия, когда не можешь вспомнить, чем день вчерашний отличался от позавчерашнего… Широкое знакомство с тем, как люди живут в Средней Азии или Молдавии – по телевизору, и полное незнание, как же все-таки живут твои соседи по подъезду… Предельно атомизированное общество, где настоящая близость и полная откровенность, заинтересованность только между любящими мужчиной и женщиной. И цельность его – только формальная, обеспечиваемая почти церковными скрепами. И стабильность его - от равнодушия и от полного незнания, что может существовать что-то другое, какое-то другое общество.

14 декабря 77 г.

Вчера – Пленум ЦК. Некоторое замешательство, даже не сразу решили встать и хлопать… Брежнев не возглавил вереницу членов Политбюро. Суслов, объявляя цифры присутствующих, сказал, что Леонида Ильича не будет. Ничего особенного, недомогание простудного характера. Но он подготовился к выступлению и мы его раздадим в перерыв, чтоб учесть в прениях. Перерыв будет поэтому 40 минут.

Самое пикантное то, что в конце Пленума Суслов «договорился» с участниками, что Брежнев «как бы» присутствовал на Пленуме – «принимал участие в работе Пленума»…

А в газетах фраза: «С большой речью на Пленуме выступил генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев…» Эта странная ложь, не знаю – в какое благо! Трудно себе представить, чтобы «не просочилось»… 500 членов Пленума, тут же на другой день – сессия Верховного Совета, на которой он тоже не появился… Завтра – весь мир уже знает – он должен встретиться с Брандтом, который в Москве пролетом в Токио на конференцию Социнтерна. Но даже, если он встретится с Брандтом… Не в этом дело. Дело в том, что мелко солгали всей партии, стране, всему миру. Без видимой, разумной причины. Это плохой симптом – одновременно презрения (все сойдет!) и культизма – мифологии (какой Пленум, если на нем нет Брежнева!).

О самом Пленуме. Доклад Байбакова (председатель Госплана). Такой тревоги и жесткости в оценке экономического положения я не помню даже в его, всегда несколько

«пессимистических» выступлениях. Положение скверное. Хуже, чем можно было предположить, и чем прежде.

На фоне его доклада славословия «в адрес» и по поводу энтузиазма, и подъема в связи с Конституцией, и 60-летием Октября в следующем докладе Гарбузова прозвучали, как глупая ирония. В зале даже шевеление пошло. Прения тоже в основном состояли из славословий и только некоторые говорили то же, что и Байбаков со своей местной и отраслевой конкретикой.

Выход из положения? В «выступлении» Леонида Ильича те же самые «выводы», «призывы» и «направления», которые он теперь периодически произносит (начиная с XXIV съезда, когда они прозвучали свежо!) во всех своих хозяйственных и иных речах.

Кончились ничем наши жалкие (в масштабах консультантской группы и замов) попытки «освоить» еврокоммунизм и определиться – получить санкцию на какую-то линию. Этого не хочет ни Б.Н., ни, наверно, и Суслов. А другие вообще ничего не хотят знать по существу, лишь бы Марше и К^{о} не лаяли на нас… Определенность обязывает, а неопределенность позволяет сколько угодно лавировать.

Брутенц рассказывает о «подходе» к проблеме «еврокоммунизма» со стороны Кириленко. В Анголе, куда он только что ездил, была и делегация ФКП, Г. Плиссонье. Они знакомы: Кириленко был на XXII съезде ФКП. На какой-то день он спрашивает: «Гастон, долго мы будем так ходить и улыбаться? Может и поговорить пора?»

Гастон: Мы ведь говорили. Мы – за. Но между нашими партиями разногласия.

Кириленко: Так что ж? Может поищем здесь повыше башню, залезем и будем орать на все стороны, что у нас разногласия? Можно, впрочем, заниматься этим с Эйфелевой и с московской телевизионной! Вы этого что ль хотите? А зачем? О каких разногласиях кричать?

Гастон: мы же говорили…

Кириленко: Брось! Не валяй дурака! И скажи своим в Париже. Вот уже три года вы не хотите с нами общаться, воротите нос. Ладно, от нас не убудет… Запомни и пусть твои знают: мы и три года и тридцать лет можем так, выдержим, а то и вовсе не заметим, что «вы к нам плохо относитесь». Посмотрим, что с вами от этого будет…

25 декабря 77 г.

С 15 по 18 декабря был в Будапеште вместе с Шахназаровым, Ненашевым и Сорокиным (новый зав. сектором в Отделе ЦК). Поручено готовить совещание секретарей ЦК соцстран, которое будет в конце февраля (собственно два: одно открытое – по координации «против империалистической пропаганды», второе – закрытое, всестороннее, про «еврокоммунизм»).

Довольно живые товарищеские дебаты. Быстро договорились об основной повестке дня. Потом было самое интересное в международном Отделе ЦК ВСРП: Берец, Хорн, Варга.

Берец был раздражен и агрессивен.

1). Вы, говорит, хотите откровенного разговора о «еврокоммунизме»? А вы знаете, что даже между нами (т.е. болгарами, чехами и всеми в «шестерке») нет общего мнения по этим делам? Не приведет ли такая откровенность к выявлению разногласий еще и между соцстранами! В ответ я его стал уверять, что если «нет единства в «шестерке» по этим вопросам (если нет), то скорее от неинформированности о позициях друг друга.

2). Вы хотите координировать в связи с 10-летием чехословацких событий… Но как мы можем в этом участвовать, если не согласны с подходом чехов? Один мне тут говорит: мы, мол, т.е. чехи, будем отмечать 10-летие как величайшую победу социализма! Какая победа?! Что вы? О чем речь? Это беда, трагедия! У нас тоже было 20-летие 1956 года, но мы не шумели об этом, как о победе и проч. Мы готовы с чехами поделиться опытом, как надо спускать такие вещи на тормозах, а не провоцировать возбуждение и всемирный шум… Но они ведь слушать нас не хотят.

Отвечал Шахназаров, уверял, что у нас, в ЦК КПСС, тоже не думают, что надо изображать «это» как победу… (Я подумал про себя: твоими бы устами…). Венгры приняли к сведению, но, думаю, не очень поверили.

3). Берец сделал нам выговор – почему не поддерживаем их как координаторов по социал-демократии. «Не доверяет что ль в таком деликатном идеологическом вопросе?» Я заверял и проч.… На самом деле просто руки не доходили в этот юбилейный год.

Потом нас принимали два секретаря ЦК: Денеш и Дьюри. Вроде как «докладывали» им вместе с венгерскими коллегами о проделанном и о проблемах. Дьюри рассказал о последнем их Пленуме. «Опять с 1 января повысят цены на 4-5 %. Но народ-де привык, и никаких волнений – мы делаем это так, что фактически происходит рост реальных доходов. Все довольны. Все уверены, что с каждым годом все лучше. В стране спокойно. Доверие к партии всеобщее…»

И в самом деле… Будапешт предрождественский. Магазины забиты народом и… товарами. По разнообразию и качеству и по стилю торговли, рекламы они гораздо ближе к Парижу и Лондону, и далеко ушли от Варшавы, Москвы, не говоря о Софии.

Товары такие, каких в Москве даже в привилегированной «секции ГУМ'а» не достанешь. Например, полно дубленок, кожаных пальто на любой вкус, огромное разнообразие женской одежды и обуви. Словом, глядел я на это и не ощущал большой разницы между Будапештом и Лондоном. (Купил себе неожиданно кожаное пальто - мечта юности).

Смотрели мы там фильм «Свидетель» по мотивам процесса Ласло Райка. Выпущен он, оказывается, в 1969 году, но на большой экран не дали. По клубам же и в провинции вся Венгрия его видела. По сути это, в общем, тоже, что и «Процесс» чешского режиссера Лондона. Но в данном случае – сатира на культ личности в венгерском исполнении. Сделан великолепно, местами валишься под стул со смеху.

Но – политически? Что мы можем им открыто предъявить по поводу этого фильма? Да, ничего. А они недавно праздновали 60-летие режиссера. Он – национальная знаменитость. И этот фильм пустили в одном из крупных кинотеатров Будапешта.

На работе. Новая вспышка суеты по поводу появления в «Нувель критик» лекции Канапы и книги Марше «Поговорим откровенно». У Канапы – взвешенная, не сенсационная, не грубая (против нас) концепция «еврокоммунизма». Пономарев не хочет этого признавать и все навязывает нам подход, согласно которому «эти двое» продались ЦРУ.

На совещании замов и в личном разговоре с Б.Н.'ом я настаивал на том, что к серьезным вещам надо подходить серьезно, наскоки не помогут. Впрочем, дело не только в Б.Н.'е. После телеграммы Червоненко из Парижа. Б.Н.'у явно позвонили сверху и спросили: куда он смотрит и сколько можно терпеть?!!

Как он ни кипятился, мы, замы, все же настояли на солидном подходе. Мы с Загладиным соорудили записку для ЦК, где сбалансировали программу «спокойных действий», рекомендовали также до парламентских выборов во Франции (март) лично Канапу и Марше не задевать.

Целую неделю работал над брошюрой для Пономарева «Не устарел ли марксизм-ленинизм?» Странное ощущение: знаешь, убежден, что все это охранительно-оборонительный вздор и никакого значения он иметь не может, даже если Пономарев сохранит некоторые вольности, которые я туда вписал. Однако, сооружая текст, вопреки свои убеждениям, увлекся полемикой.

В «Октябре» видел фильм «Тиль Улленшпигель». Развесистая клюква там присутствует в большом количестве, но в целом фильм сделан неплохо и кой-какие идеи там есть, например, - куда заводит идеологическая борьба, а также об уставании и смысле власти.

1977 год. Послесловие.

Размышляя о 77-ом годе, выделяешь два пункта в его официальной истории – Конституцию и 70–летие Революции.

С первой связана еще одна большая ложь. Суета вокруг сочинения проекта Конституции и попытки «интеллигентных аппаратчиков» вместе с отобранными учеными демократически облагородить советский Основной закон как–то затемнили ключевой момент в нем – «6-ую статью», превращавшую означенные попытки в нормальную для нашего образа жизни демагогию. Между тем, как известно, отмена этой статьи десять лет спустя «повернула ключ» к стремительному распаду государства.

Годовщина Октября – знаковое международное событие: стало совсем очевидно, что СССР – все еще сила, но уже не «вождь» и не пример для подражания. Это молчаливо признавало («в душе») само советское руководство, демонстрируя пренебрежение к усилиям собственного аппарата спасти «единство» МКД, как и к идейно–политической сути «еврокоммунизма». «Лишь бы «друзья» открыто не ругали КПСС и СССР – на остальное, что у них там - наплевать!» – так можно обобщить настроения в самых верхах советской сверхдержавы.

«Братские партии» во все большем числе и все более открыто отказывали КПСС в праве навязывать им политику, идеологию, вообще «учить», как и что им надо делать. Идейный, «теоретический» авторитет наш практически упал до нуля. Привязывать к себе мы могли лишь, являя собой «мировую силу», и… деньгами, «довольствием на продолжение существования».

В «томе» – новые свидетельства искреннего миролюбия Брежнева и нарастающей его болезни – физической, умственной и как государственного деятеля. Публичная демонстрация этой болезни свидетельствовала не только о ничтожестве, трусости и глупости пропагандистских и политических «служб», но и о том, что движение страны по наклонной становится все более гибельным.

Свидетельством тому было также то, что властные функции нагло подбирала под себя «тройка» членов Политбюро – Устинов, Громыко, Андропов. Пока еще «парил» над ними Суслов, тоже начинавший «слабеть», но рычаги «реальной политики» были в их руках.

В «томе» много наблюдений, связанных с поездками автора записок в разные страны. Дискуссии, которые приходилось там вести, контакты со многими людьми дают материал о международной атмосфере того времени, о проблемах, которые «холодная война» все острее ставила перед настоящим и будущим международного сообщества. Среди этих людей – коммунистов, социал–демократов, лейбористов, настоящих «друзей» и в кавычках, в соцстранах и в других, – встречались умные, честные, искренне озабоченные – «куда идем и как идти», но и прожженные политиканы, циники и приспособленцы, тупые корыстные догматики и просто примитивные, случайные в политике персонажи.

Духовная жизнь общества, с которой соприкасался автор, ничего нового не принесла в 1977 году.